

Валерий Бронников

18+

Северина

Валерий Бронников

Северина

«Автор»

2011

Бронников В. В.

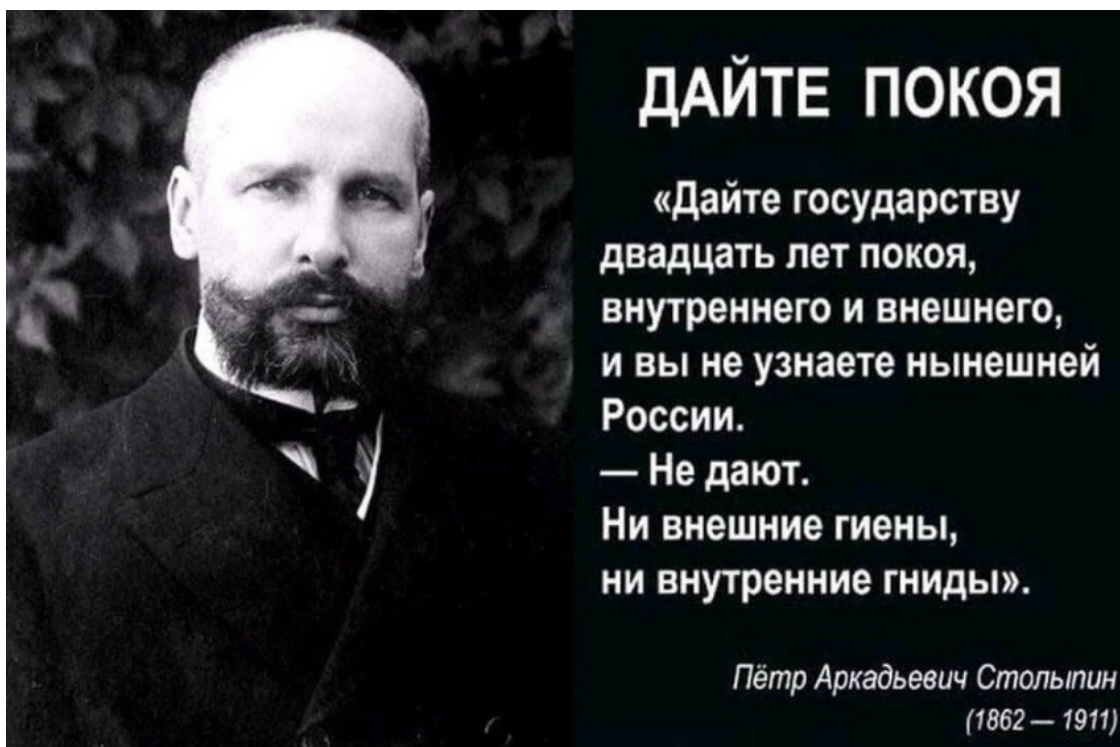
Северина / В. В. Бронников — «Автор», 2011

Действие романа «Северина» разворачивается у живописного лесного озера, примерно в шестидесятые годы прошлого столетия. Молодая девушка, лишившись в детстве родителей, живёт в лесной заимке со своим дедом вдали от цивилизации, людей и обычного людского общения. Когда у калитки появляется молодой человек, она встречает его выстрелом из ружья. Сама того не замечая, девушка впоследствии влюбляется в этого, появившегося случайно в её жизни, мужчину.

© Бронников В. В., 2011

© Автор, 2011

Моей дочери Дикиной Наталье, автору сюжета этого произведения, посвящается.

Валерий Бронников родился 1 апреля 1949 года в с. Заяцкий Мыс на южном берегу Белого моря. По образованию инженер-механик по самолётам и двигателям, работает по профессии более 50 лет и по настоящее время. Автор многих произведений прозы и стихов, а также детской литературы. Член творческого объединения «Вашка».

Северина

Раннее утро выдалось туманным и тихим. В это августовское время года, когда летнее тепло ещё не отступило, а осенние заморозки пока не предвиделись, поутру было особенно приятно пройтись босиком по выступившей росе. Солнце ещё не появилось, но рассвет набирал силу, проявляя из темноты очертания кустов и деревьев.

Северина, совершенно обнажённая, стояла у кромки лесного озера, то ли не решаясь войти в воду, то ли растягивая удовольствие, ощущая утреннюю свежесть каждой клеточкой своего тела. Она не боялась так стоять. Видеть её могли только лесные обитатели. Двуногих обитателей в это время суток в лесу не бывает. Она специально выбирала эту пору, чтобы ей никто не мешал наслаждаться утренней прохладой, последующим купанием в тёплой озёрной воде. В этом озере били холодные ключи, но вода не была ледяной. Просто в летнюю пору она сильно не зацветала, как в других озёрах. Девушка отражалась в озёрной глади, как лесная фея.

Северина распустила свои пышные волосы, которые закрывали её плечи. Волосы были слегка рыжеватые, но это не портило её внешнего вида, наоборот, все говорили, что волосы у неё очень красивые. Она никогда их не красила и не умела это делать, и просто не понимала, для чего это делают другие женщины, тратя на это своё время, пытаясь менять красоту, которую создала природа.

Со стороны это было похоже на сказку: туман в утреннем лесу и волшебница-фея на берегу озера, завораживающая своим колдовством всё живое. Она знала, что ею можно любоваться, но стеснялась своей наготы и не хотела, чтобы её вот так кто-нибудь увидел. Хотя её фигура была почти совершенной с белым почти не загоревшим телом. Загар виднелся только на тех местах тела, которые обычно открыты в повседневной жизни. Специально загорать у неё не имелось времени, а лето клонилось к своему закату. Утренние прогулки не в счёт, во-первых, для загара нет солнца, а во-вторых, утреннее купание у неё вместо умывания строго по графику: умылась, поплескалась и сразу домой готовить завтрак.

Девушка шагнула в воду, как бы проверяя её на ощупь, сделала ещё шаг и с размаху плюхнулась в зеркальную гладь озера. По воде побежали гармошкой в разные стороны круги, сделав поверхность воды не зеркальной, а морщинистой и тёмной, скомкав отражение наступающего летнего утра.

Стайка уток, ночевавшая в траве, метнулась в сторону, испугавшись внезапного всплеска. Взрослые утки только ещё становились на крыло после линьки, а утята пока не научились хорошо летать. Они устремились следом за матерью, стучая по воде своими крохотными крылышками. Вскоре утки скрылись опять в траве, и всё стало тихо, только иногда раздавался всплеск от рук плавающей женщины.

Северина привыкла встречать рассвет на природе. Таинства рождения солнца больше нигде не увидеть, только своими глазами и только в назначенное время. То, что показывают в кино, ни в какое сравнение не годится. Настоящий рассвет надо смотреть вживую, находясь в единой гармонии с природой. А в кино она и не ходила, слышала, что в городе жители посещают его почти ежедневно, но ей оно было недоступно. В редкие свои посещения цивилизации она занималась своими хозяйственными вопросами, а о кино некогда было даже думать.

Перед появлением солнца лесные пичуги запели свои песни на все лады. Это происходило какое-то неистовое пересвистывание, перепискивание, перешёптывание, в котором ощу-

щалась радость встречи солнца, утра и нового дня. Самих пичуг не было видно, только иногда перелетая с ветки на ветку, они раскачивали эти самые ветки, обнаруживая своё присутствие.

Туман образовывал огромные белые комья, которые, несмотря на отсутствие ветра, перемещались вдоль озера по одним им известным законам. В таком случае ещё говорят, что туман надвигается волнами.

Северину с берега совсем не видно, как и ей берег. Она знала, что берег не далее пятидесяти метров, ориентировалась по солнышку, а точнее по тому краю неба, где светлее, а ещё она видела утренние звёзды, которые хорошо просматривались. Видимость вверх намного лучше, чем в стороны. Также смутно виднелись вершины деревьев. Девушка и без ориентиров знала, где край её берега. Привычка быть всё время на природе снабдила её особым лесным чутьём, интуицией, которые никогда не подводили.

Вдоволь наплескавшись, Северина вышла из воды. Она сразу заметила, что её вещи лежат не так, как она положила, точнее не вещи, а халат. Больше у неё, кроме полотенца, ничего не имелось. Пришла она по тропинке босиком. Халат лежал, она заметила, не так, как она его оставила лежать. Девушка хорошо помнила, в каком положении он остался, когда соскользнул с её плеч. Она оглянулась по сторонам, оглядывая ближайшие кусты, но никого не увидела. Беспечно продолжали щебетать птицы.

Северина быстро накинула на себя халат, даже не вытираясь. В этот момент на другом конце озера взошло солнце. Его сквозь туман совсем не видно, но разом всё вокруг посветлело, и туман стал казаться ещё гуще, почти осязаемым. Всё стало молочно-белым. Нельзя сказать, чтобы она сильно испугалась. Как-никак жить в лесу девушка привыкла и видела всякое, но сегодня просто всё происходило как-то неожиданно. В это время суток девушка не ожидала кого-либо встретить или даже увидеть издалека. Она, конечно, никого и не встретила, но кто же здесь был? Кто-то ведь трогал её халат? Не могло же ей всё это привидеться!

Она зашлёпала босыми ногами к дому, осматривая скрывающиеся в тумане кусты.

* * *

В тот день Иван Жуков пришёл домой днём. Он забыл утром документы и вот теперь зашёл, чтобы их забрать. Он остановился в дверях напротив спальни. С семейной кровати торчали четыре ступни. Жена сидела на соседке в известной позе к Ивану спиной, а точнее не спиной, а тем местом, что ниже спины.

– Милый, ты чего остановился на полдороги? – проговорила она, – Смелее!

Иван даже опешил. Она не могла его видеть, но потом он сообразил, что вопрос относился не к нему. Сосед лежал и смотрел на него, не двигаясь. Светлана проследила за его взглядом и обернулась. Меньше всего ей хотелось видеть сейчас мужа. Она быстро дёрнула на себя одеяло и проговорила:

– Ваня, это совсем не то, что ты сейчас подумал!

– Я подумать ещё ничего не успел, но ты права – это не то. Мне такая жена не нужна. Ты всегда говорила, что я тупой. Просто я вижу только то, что вижу. Надеюсь, к моему возвращению тебя здесь больше не будет. Возьми всё, что захочешь, и переселяйся к своему любовнику.

– Ваня! – крикнула она уже вслед, – Извини, я не хотела!

Но он уже ничего не слышал и, закрыв дверь, вышел на лестничную площадку. В висках стучали молотки. Он давно подозревал, что с женой что-то не ладно, но сейчас убедился в этом сам. «Хороши! – подумал он, – У соседа жена очень крутого нрава. Интересно, знает она о его похождениях или не знает? Скорее всего, не знает, иначе ему несдобровать».

Он решил отпроситься с работы. Сегодня пятница, скоро всё равно конец рабочего дня. Иван принял решение уехать на природу и всё, как следует, обмозговать. Надо начинать жизнь сначала, так нелепо оборвавшуюся внезапно на полпути. Куда ехать, он знал. Присмотрено у

него любимое место на Лебязьем озере, где всегда он скрывался от людской суеты в выходные дни. На озере бывали и другие любители природы, но друг другу не мешали. Озеро находилось в стороне от трассы. Любителей дальних путешествий находилось не много. Была около озера и заимка, в которой постоянно жил дед, а если и уезжал, то ненадолго. Иван к нему навещался редко, предпочитал обитать в своём шалаше на другом берегу озера.

С работы раньше уйти не удалось. Появились какие-то неотложные дела, которые требовалось решать именно сейчас и сегодня, причём, их к концу дня оказалось много. Завершил все дела Иван только к вечеру. А потом решил просто расслабиться. Ему сейчас было всё равно где и с кем этим заняться, лишь бы на время забыться от одолевавших его мыслей.

На вокзале сразу нашлись желающие разделить с ним трапезу. Два мужика неопределённого возраста в потёртой и видавшей виды одежде стояли за столиком, тянули пиво. К ним он и пристроился.

– К вам можно?

– Присоединяйся, мил человек, – ответил тот, что был в кепке и уже навеселе.

– Я не один, – сказал Иван, доставая из-за пазухи бутылку водки.

– Тем более присоединяйся, мы хорошему человеку всегда рады. Вот ждём автобуса, решили по пиву ударить, дорога длинная, – проговорил скороговоркой тот же мужик.

– Я тоже жду автобуса.

– Вот вместе ждать и будем, – вступил в разговор коренастый мужик с лицом, которым по его виду, пахали землю. Оно выглядело помятым, опухшим и в ссадинах. На голове торчали жидкие слежавшиеся волосы.

– Вы, мужики, простите, но мне надо расслабиться, что-то тоскливо на душе.

– Правильно, если тоскливо, надо отвлечься, – сказал коренастый, – Жора, – он протянул руку.

– А я Алексей, – сказал в кепке.

– Иван, – коротко ответил Иван.

Он разлил по стаканам всем водку, они, молча, не чокаясь, выпили. Потом выпили водку с пивом, а потом коренастый сходил, принёс ещё.

– Мне тоже тоскливо, – сказал он, – Сколько живу, а не разбогател.

– Где ты видел, чтобы простые мужики были богатыми? – спросил Алексей.

– Богаты те, кто близко сидят к деньгам, – сказал Иван, – На них и мёртвые души работают, и мы грешные. Ещё ни разу я не встречал, чтобы за работу заплатили много. Всё стараются урезать и отнять.

– А ты как хотел? Если у нас не отнять, им, – Жора махнул куда-то в сторону, – ничего не останется. А с кого налоги брать? Штрафы? Всё с нас грешных! Надо, чтобы обороноспособность страны была на высшем уровне. За наш же счёт государство держит сотни домов для умалишённых, слаборазвитых и прочих.

– С доходов мы платим подоходный налог, чтобы государство наше могло твёрдо стоять на ногах.

– Мы-то платим, а всё ли платят толстосумы? Мне кажется, что, чем больше человек получает, тем меньше старается заплатить государству – это было всегда так, – заключил Алексей.

Жора в этот диалог не вступал. Ему было равным счётом наплевать и на доходы, и на подоходный налог и на своё окружение: у него болела голова. Боль закралась в голову нудная, постоянная, мучительная. От водки, которой он хотел вылечить свою голову, она ещё больше болела. Боль только на время притуплялась после очередного приёма во внутрь. Он смотрел на своих собеседников, но витал от них где-то далеко, занятый мысленно своей головой.

Около ног вертелась куршивая собачонка, выпрашивая всем своим видом себе подачку. Она то садилась, внимательно рассматривая всех по очереди, то обегала вокруг ног, то пере-

секала подстольное пространство по диагонали и снова садилась. Иногда ей что-то и доставалось. Мужчины бросали ей всё без разбору: корочку хлеба, огрызок помидора, чешуйку от лука. Иногда, конечно, расщедрившись, угощали и маленьким кусочком сала, которое лежало самым вкусным деликатесом на их столе. Иван щедро выложил припасы, приготовленные для своей поездки.

Вокруг текла обыкновенная вокзальная жизнь с её собственными законами и порядком. Люди приезжали, уезжали, таскали свои вещи, куда-то спешили; плакали дети; кто-то, наоборот громко хохотал, реагируя, очевидно, на какую-то шутку; иногда проходили мимо милиционеры, что-то высматривая среди пассажиров; объявляли посадки на очередной рейс. Всё это двигалось, шумело, скрипело, скрежетало, шипело, шуршало, образуя вокруг своеобразный мир. Только маленький столик с тремя, забывшими о времени мужчинами, стоял, как центр вселенной.

Застолье со случайными знакомыми затянулось. Выехал Иван только ночью.

Автобус довёз его до развилки с грунтовой дорогой, а дальше он пошёл пешком в густом тумане, который окутал все окрестности. Тропа вела к заимке, поэтому он свернул раньше и пошёл вокруг озера. На берегу Иван и наткнулся на женский халат. Не сообразив сразу, что здесь может быть человек, он попытался его поднять, но потом, услышал плеск со стороны озера. Жуков положил осторожно халат на место и пошёл своей дорогой вокруг озера на своё прикормленное место.

Его немного развезло, пошатывало, но ориентировку Жуков не потерял. Просто хмель ещё не начал выветриваться. Кое-как добравшись до шалаша, он улёгся на своё ложе и сразу уснул. Ни ночная прохлада, ни отдельные заблудившиеся комары его не донимали. Он ничего не чувствовал, как и задумал накануне, отключившись ото всего.

Проснулся, когда солнце стояло высоко. Тумана, который навалился ночью, не виднелось. По всему телу пробегала дрожь. Хотелось есть, точнее, не столько есть, сколько пить. Кое-какие припасы он купил в ларьке на вокзале, но половина оказалась съедена, ушла на закуску. Хотелось свежей ухи, но голыми руками рыбу не наловить. Он принял решение, идти на поклон к деду, у которого в хозяйстве имелось всё.

* * *

Дед расхворался. Огромный, широкоплечий, обладающий недюжинной силой, он мог запросто побороться и с «мишкой», взял и расхворался от какого-то микроба, которого и в микроскоп-то не увидишь! Он лежал на кровати с мокрым полотенцем на голове с закрытыми глазами. Со стороны непонятно, то ли он спал, то ли просто так лежал, прикрыв глаза. Торчала во все стороны седая щетина, называемая бородой. Бороды, как таковой, не выросло, а имелся просто давно небритый подбородок. Эта щетина нисколько его не портила. Он так жить привык. В лесу не перед кем особенно красоваться, а Северина, дочка, не в счёт. Она его любила и такого, она просто не обращала внимания на его внешний вид. Он для неё являлся просто дедом. На самом же деле он по возрасту совсем не старей, всего каких-то шестьдесят с хвостиком. При его атлетической фигуре – это совсем не возраст, но Северина смотрела на мир со своей колокольни. Ей казались старыми все, кому перевалило за сорок.

Северина хлопотала по хозяйству, варила деду снадобья из трав, обед, грела воду, которую предварительно наносила из колодца, делала мелкие дела по хозяйству, коим не видно конца.

В это время и появился Иван Жуков. Он подошёл незаметно к калитке. Северина увидела его в последний момент. Она тут же протянула руку за дверь и взяла ружьё. Стрелять из ружья дед научил её ещё в детстве. В меткости она могла посостязаться и с дедом, и с кем угодно.

– Не подходи, выстрелю! – крикнула она незнакомцу.

– Нет такого закона, в человека стрелять! Да и не выстрелишь ты, а пугать не надо, я не боюсь, – Иван сделал шаг от калитки к дому.

Северина выстрелила. Выстрелила она по горшку, который висел на штaketнике рядом с калиткой. Горшок разлетелся вдребезги. Иван опешил, даже попятился назад. Такого проворства и наглости он от какой-то девчонки не ожидал.

Северине стало до слёз жалко разбитый горшок, но она не подала виду, спросила грозно:

– Кто таков?

– Я к деду. Дед дома? – спросил Иван.

– Нормальные люди сначала спрашивают, здороваются, а потом шагают к дому. Какое тебе дело до деда?

– Нормальные люди по гостям не палят!

– Я в гости никого не жду. Это надо ещё посмотреть – гость ты или проходимец.

– Разве по мне не видно, что я гость?

– По твоему внешнему виду ты – бандит с помятым бандитским лицом и наглый! Гости по ночам по лесу не шастают, – наугад брякнула Северина. А вдруг попадёт в точку?

– Если хозяева ночью вместо рыб плавают в воде, значит, гостям можно гулять по лесу, – ответил Иван.

«Значит, он», – подумала Северина.

«Выстрел» оказался точным.

– Не ты ли это хотел спереть мою одежду?

– Одежды я не видел. Если ты одеждой называешь халат, то я подумал, что его кто-то обронил. Хотел просто поднять на куст. А в одежде ты наверно плавала.

– Так я тебе и поверила. А зачем за мной подсматривал?

– Я и не думал подсматривать. Никого не видел, а потом услышал плеск и пошёл своей дорогой дальше. Да и кого я мог увидеть в густом тумане!

– Так я тебе и поверила, – повторила Северина, – Зачем-то ты ходил ночью по лесу? Значит, что-то высматриваешь или шпионишь, или зарываешь в лесу трупы. Может, ты и в самом деле бандит?

– Может, и бандит, – не стал спорить Иван, – Так ты дашь мне поговорить с дедом или нет?

– Нет, не дам. Дед болеет.

– Я хотел попросить у него спиннинг, чтобы случайно не умереть с голоду. Так получилось, что пришлось приехать без снастей. Так бывает, стечение обстоятельств.

– Спиннинг я дам. А где гарантия, что ты его вернёшь? Давай залог! – потребовала Северина.

– Верну обязательно. Поймаю пару щук и верну. А в залог мне оставить нечего, кроме своей одежды.

– Что и документов нет?

– Кто же носит в лес документы?! Ещё дай немного соли, буквально щепотку.

– Может тебя ещё надо помыть в бане и, накормив, уложить спать?

– От бани не откажусь, а спать я ложусь сам и еду себе готовлю тоже сам.

– Интересный ты всё же фрукт и наглый. Бери свой спиннинг и скатертью дорога, а соль лежит на столе, можешь отсыпать, – показала она на дощатый стол, который стоял во дворе. Повернулась, чтобы войти в дом, но не удержалась, обернулась:

– А будешь подсматривать, пристрелю точно, так и знай! – и пошла с чувством выполненного долга, – Ходят тут всякие! – на всякий случай бросила она на ходу услышанную где-то ранее фразу.

Собака Тучка за всё время разговора даже не высунула морду из будки. «Хорош охранник!», – подумала Северина. Обычно собака чужих чует заранее и поднимает лай, а тут даже не подняла голову, чувствует, что хозяину плохо и тоскует.

Когда Северина вышла обратно, держа в руках чугунок с картошкой, незнакомец всё ещё стоял посреди двора.

– Дай ещё кусок хлеба! Всё равно у тебя в руках ружья нет и выстрелить ты не можешь. Тогда я точно уйду и буду опять в лесу закапывать и прятать трупы.

Она открыла рот, но от такой наглости не знала, что ответить. Этот гость явно проявлял все признаки сверхнаглости. От неожиданности Северина повернулась назад и вынесла из дому краюху хлеба.

– Возьми и избавь меня от своего присутствия!

Гость повернулся и пошёл к калитке.

– Я живу на другом берегу озера, – зачем-то сообщил он, не оборачиваясь, уже на ходу.

– Северина, кто приходил? – спросил Николай Николаевич, когда она снова зашла в дом.

– Какой-то ненормальный. Я дала ему спиннинг. Живёт на другом берегу озера, сказал, что спиннинг вернёт, – выпалила она всё сразу, – А ещё сказал, что тебя знает.

– А как зовут?

– Я не спросила, да и не было нужды знакомиться. Он какой-то наглый и чокнутый что ли.

– Это наверно Иван. Он иногда приезжает на озеро, а живёт действительно на другом берегу в шалаше.

– Разве в шалаше можно жить?

– Можно, если хочется отдохнуть от мирской суеты. Так теперь многие делают. Он не пакостит, вокруг мусора нет, вреда никому не делает. Живёт день-другой и уезжает обратно.

– Мне он показался каким-то странным, похожим на бандита.

– Тебе, девочка, ещё надо учиться разбираться в людях, а не стрелять во всех без разбору.

– Это я так, для уверенности.

– А если бы случайно попала? Ружьём нельзя баловаться!

Кот Кешка спрыгнул с кресла, подошёл к Северине и начал тереться о ногу. Это пушистое создание мурчало, жмурило глаза и пыталось любым способом обратить на себя внимание.

– Завари-ка мне травку. Что-то никак хворь не отпускает. Разболелся в жару, среди лета. И заразиться ни от кого не мог, не было у нас последние дни гостей, сегодня – первый.

– Он пришёл под утро, когда я купалась. В тумане я его не видела, но определила, что он прошёл по берегу.

– Странно, он обычно приезжает или вечером, или с утра. Ты бы не купалась по ночам. Мало ли что... Никто не видит и помочь некому.

– Я привыкла. Без купания уже не могу. А красота-то какая!

– Красота – это точно. Только тот, кто мало спит и встречает рассвет, может всё это увидеть. Вот и туман – он по утрам бывает, а если и днём, он совсем не такой. Нет, днём такой красоты не увидишь! – заключил дед.

– Ладно, дед, ты пока лежи. Сейчас я тебе принесу настойку, подышишь, а потом чай с малиной и прочими приправами. Завтра я тебя на ноги поставлю. И чего ты разболелся среди лета? Собака и та, глядя на тебя, приуныла, даже не лает.

– Ничего, всё наладится. Собаки первыми чуют беду. Я Тучку взял совсем маленькой, она ко мне привыкла. Второй день не выхожу, вот она и затосковала.

После обеда Северина пошла в лес по грибы, благо ходить далеко не надо. Грибы росли прямо у тропинки, ведущей к озеру, по обе стороны. Она их заготовила впрок, а на свежую жаренку собирала почти каждый день. Для двух человек, чтобы поесть, не так уж много и надо. Попадались среди других грибов и белые. Они росли семейками. Эти места Северина знала наизусть. Ходила по одним и тем же местам и всегда находила там молоденькие, вылезавшие

своими шляпками из-под листьев, грибы. Коричневые шляпки белых грибов виднелись всегда недалеко друг от друга, необходимо в этом случае только хорошо оглядеться вокруг себя, а потом следовало переместиться на другое известное место и опять разглядывать среди мха, сухих веток и листьев маленьких толстеньких красавцев. Она любила и маленькие маслята. Приготовленные, они годились в любом виде и отличались хорошим вкусом. Красные подосиновики она старалась брать только маленькие, не успевшие обзавестись гнёздами личинок от вездесущих насекомых. Большие грибы она собирала глубокой осенью для сушки. В холодное время они вырастали до больших размеров и не червивели, что было очень удобно при их чистке и сушке.

Тучка просилась с ней в лес. Почувяв, что хозяйка уходит, она вылезла из будки и всем своим видом старалась показать, как ей хочется прогуляться, но Северина её не взяла. Охота ещё не открылась, поэтому отпускать собаку в лес нельзя, чтобы она не разоряла семьи лесных жителей, занимающихся выводом потомства.

Северина дошла до озера, зачем-то внимательно посмотрела на противоположный берег, но ничего там не увидела. Яркое солнце отражалось от зеркальной глади воды, слепило глаза. Пришлось невольно жмуриться. На середине водоёма плавала стайка уток. Раньше всегда на озере жили лебеди, поэтому оно и называлось Лебяжьим, а теперь уже второй год лебеди не прилетают. Возможно, им не нравится близкое соседство людей, которые не прочь поглумиться над птицами. Народ бывает разный: кто-то приезжает отдохнуть, а кто-то уничтожает всё живое, что движется. Никакие сроки начала охоты их не останавливают, никаких правил и никакой жалости.

Трава возле берега зашевелилась, что-то плюхнуло и всё стихло. Очевидно, какая-то рыбёшка, греясь на солнышке, зазевалась и очутилась во рту зубастой щуки, став очередным обедом. Щука обедала где-то в осоке, больше не выдавая себя ничем. На воде то и дело появлялись большие и маленькие круги. Всякая озёрная живность касалась поверхности воды, вылавливая планктон и наслаждаясь жизнью в верхних слоях воды, насыщенных живительным кислородом. Мелководье озера покрыто сплошь зелёными водорослями, которые вверху лежали плашмя на воде. Торчала вверх только трава, которая росла прямо из воды. В месте, где причаливала лодка, трава не росла. Под воду уходил глинистый пологий берег. Место причала просто не успевало зарастать, вытаптывалось регулярно ногами. В этом же месте находился и приволок, когда в редкие дни лесные обитатели забрасывали невод. Деревянная лодка подтащена к самому берегу и зачалена цепью за огромную ель, росшую на самом берегу. Цепь схвачена надёжным замком, чтобы случайные заблудившиеся туристы не угнали лодку. Ель служила Северине дозорным маяком. Иногда она забиралась на самую вершину и сидела там, на огромном суку, как в кресле, свесив ноги и рассматривая окрестности. Это любимое место девушка присмотрела, чтобы помечтать и поскучать, оставаясь один на один со своими девичьими думами.

Дед её растил один. Родители погибли, когда ей не исполнилось и трёх лет. Их она почти не помнила. Дед ей был и за папу, и за маму. Органы опеки пытались её отнять, чтобы поместить в детский дом, но она, кроме деда, никого видеть не хотела, устраивая дикий визг и рёв. В конце концов, от них отступились и больше ребёнка отнять не пытались.

Школу Северина окончила. Жила, пока училась, у тётки, а летом непременно перебиралась к деду, где чувствовала себя, как дома, где всё для неё стало родное. Николай Николаевич, пока работал, приезжал на заимку только летом во время отпуска, а, когда вышел на пенсию, переселился совсем, уезжая в город только на время по делам или по какой другой надобности, к примеру, закупить продукты. Северина в доме его незаменимая помощница. Она неплохо научилась управляться с хозяйством, умела охотиться, рыбачить. Не имелось, правда, для неё сверстников, но она не скучала или, по крайней мере, не подавала виду, что скучает по подругам. От деда у неё не водилось тайн, они привыкли друг другу доверять и делились самым

сокровенным, а теперь вот дед заболел, и она стала в доме главной хозяйкой. Её имя, несколько необычное, ей дали родители, когда поехали на Север, а она умудрилась там родиться. Вот девочка Севериной и стала.

Лёгкий ветерок сморщил воду и побежал по поверхности вдаль, обдав лицо прохладой. Утки давно переместились с середины озера вправо. Они время от времени по очереди ныряли или иногда исчезали все вместе, поочерёдно появляясь, или задрав хвост и засунув голову в воду, что-то под водой подолгу высматривали.

Пора было возвращаться домой. Дед хоть и не маленький, но одного его оставлять Северина не хотела. Кроме того, пора наставлять самовар для вечернего чая. Угли для самовара у неё заготовлены впрок ещё с весны, когда топили русскую печку. Николай Николаевич в своё время захотел иметь именно русскую печку, и задуманное воплотил в жизнь. Долго искал, но всё же нашёл настоящего мастера. По фамилии его Северина не помнила, но хорошо помнила, как звали. Все называли его Егор Горбатый. Прозвище ему кто-то дал за его внешность: на спине у него и в самом деле вырос огромный горб. Печи класть он умел, являлся мастером своего дела. До сих пор, как печь сложили, не переделывали. И ничего, стоит, не покосилась и не растрескалась!

Обратно Северина шла по тропинке. В корзинке наложено достаточно грибов, а лишку она брать не хотела. Так учил её дед – у природы брать ровно столько, сколько необходимо, и не больше – это, как говорил дед, закон природы. Он учил на примерах зверей и птиц, как они берегут и стерегут свои угодья и не дают им истощиться. Чрезмерное усердие может погубить источник жизни, а тогда неминуемая гибель, нет корма, значит, нет и жизни.

Неугомонные сороки провожали её своим стрекотом до самого дома. На вершине ёлки у изгороди сидела ворона, караулила, когда ей достанется что-нибудь от обеда.

– Не карауль, сегодня тебе ничего не будет, – сказала ей Северина.

Ворону семья считала своим местным жителем. Никто не знает, когда она тут поселилась, но всегда непременно торчала либо на ёлке, либо где-нибудь неподалёку.

Она поднялась по ступенькам и вошла в дом, убрав «сторожа» – палку, которую поставила к дверям, когда уходила. Дед спал – это хороший признак, значит, лечение пошло на пользу.

Северина, стараясь не греметь, занялась обычными делами, в первую очередь, поставив греться самовар. Летом грела она его на крыльце, так меньше в доме копоты и грязи от углей, которые иногда оказываются на полу.

Она нащипала лучину, подожгла и сунула её внутрь железного нутра самовара, предварительно, наполнив его ёмкость водой, поставила сверху трубу и, когда лучина разгорелась, набросала сверху углей. Затем девушка накормила Тучку, поставив перед ней миску с едой. Тучка посмотрела на неё с укором, не забыв обиду от лишения её прогулки.

– Не смотри, не смотри, прогуляю тебя на поводке после.

* * *

Гольшом в этот раз Северина купаться не рискнула. Она всё время вглядывалась в противоположный берег, выискивая глазами невольного зрителя, перед которым не хотела сверкать своим телом, но ничего там не видела, кроме ровной полоски леса, ни шевеления, ни признаков жизни. Правда, на улице ещё совсем темно. Звёздное небо закрыто облаками, которые не пропускают свет от восходящего солнца. Всё вокруг одинакового серого цвета, даже лес и вода. Северина плавала, не вылезая из воды, как бы стесняясь постороннего глаза. Стояла почти абсолютная тишина. Сегодня даже не чирикали перед восходом солнца обычно неугомонные пичуги. А потом закапал дождь мелкий и нудный. Дождинки капали холодные, а в воде, казалось, что совсем тепло. Девушка не обращала никакого внимания на дождь, мокнуть

нечему. Халат она высушит, а купальник и так сырой. Она невольно опять подумала о вчерашнем госте. Как он там один в шалаше? Дождь наверняка попадает внутрь. Она даже поёжилась в воде, но не от холода, а от того, насколько неуютно туристу в его насквозь продуваемом и промокаемом шалаше.

Где-то высоко гудел самолёт. Гул постепенно нарастал, напоминая звук бомбардировщиков, которые показывают в фильмах. Звук доносился волнами, то нарастая, то замирая, и он навевал такую же тоску, как и погода. Затем гул постепенно исчез, растворившись в серых облаках.

Она давно находилась в воде, но светлее не становилось. Северина поплыла к берегу, пора возвращаться. Халат оказался насквозь мокрым. Надевать его не имело никакого смысла. Она пошла в купальнике к дому. Вокруг всё шелестело – это дождевики стукали по листьям и по кустам да деревьям. Дождь усилился, казалось, что где-то прорвало плотину, и потоки воды, обрадовавшись, ринулись на сухую землю. Почему-то девушку от дождя не угнетало уныние, а, наоборот, она испытывала радость от того, что может идти вот так по лесу и не мокнуть, наслаждаться мокрой природой, дождём, его шумом.

Тучка спряталась в будке и не показывалась.

Дед не спал. Он оделся и ходил по дому.

– Вижу, что тебе легче, – сказала Северина.

– Да, я себя чувствую лучше. Как там на озере?

– Сегодня восхода солнца нет. Всё затянуло тучами, идёт дождь.

– Я видел.

– Я сейчас переоденусь, и будем пить чай.

– Переодевайся во всё сухое и укутайся, а то хворь при такой погоде и тебя достанет.

– Я не замёрзла. Плавать в воде очень тепло.

Дед больше ничего не сказал. Он всегда предоставлял возможность Северине думать самостоятельно и самостоятельно принимать решения.

Северина вошла и сообщила:

– Сегодня я истоплю баню. Всё равно идёт дождь, другими делами заниматься невозможно. Баня тебе будет кстати, выгонишь остатки хвори.

Несмотря на промозглую погоду, настроение у Северины осталось хорошее: во-первых, поднялся на ноги дед, а во-вторых, после дождя вылезут свежие грибы и оросится огород. Не надо носить сегодня из колодца воду и поливать грядки, к тому же наполнится от потока тара, приготовленная для полива. Останется у неё время для проверки ловушек на озере.

Дрова для бани находились под навесом. Сухие сосновые поленья такими и оставались, невзирая на шедший дождь. Они отделены от коры и пахли смолой. Вода для бани находилась рядом, в бочках, наполненных от дождя. Оставалось только положить дрова в топку и чиркнуть спичку.

Через два с половиной часа Северина последний раз заглянула в топку и закрыла трубу.

Когда Северина зашла в дом, Николай Николаевич хозяйничал у плитки, варил обед.

– После обеда я проверю щучьи рогатки. Двое суток уже стоят, а ты пока отсиживайся дома. Рано тебе ещё выходить на улицу. Выпей после обеда чаю с малиной и ложись отдыхать, – распорядилась Северина.

– Я уже наотдыхался до чёртиков.

– Нет-нет, на улицу в такую промозглую погоду не выходи.

– А ты куда в такой дождь?

– Я думаю, он пройдёт.

– Возьми хоть плащ с собой.

– Хорошо, дедушка, возьму. За меня не беспокойся, я не маленькая!

– Для меня ты пока маленькая. И всё равно я беспокоиться буду, хотя знаю, что с лодкой ты вполне справишься.

– Конечно, управлюсь.

– А ещё со щуками надо побороться. Не забудь взять багорчик.

– Дедушка, я всё умею делать! Ты меня учишь, как маленькую.

– Ну-ну, – только и ответил дед.

* * *

После обеда и в самом деле выглянуло солнышко. Они ещё сидели за столом, когда из-за туч резанул луч солнца. В комнате внезапно стало очень светло. За окном природа расцвела во всём великолепии, сверкая тысячами искрящихся бусинок на листьях. Правда, этот луч солнца сразу скрылся, но он оказался предвестником того, что погода направится, а маленькие ливневые дожди не в счёт, можно и под плащом отсидеться.

Девушка собиралась недолго. Всё было приготовлено и лежало на своих местах. Она обула длинные мужские рыбацкие сапоги, в которых и на коленках стоять в лодке не сыро, взяла также нож и спички – этому научил дед, брать самое необходимое всегда с собой. Она хотела взять и ружьё, но, подумав, брать не стала. Сезон охоты не открыт, присутствие ружья в лодке, в случае чего, никак не объяснить. Мало ли какие пришельцы могут оказаться на озере! Высокие начальники тоже любят отдыхать на природе. Правда, они много пакостят, оставляют после себя мусор, но у них действуют другие законы. Они считают, что есть какие-то специальные люди этот мусор подбирать. Что это за люди, которые ходят следом и убирают мусор, Северина не знала, она их никогда не видела. Её с малых лет дед научил природу любить и не нарушать её законы. В лесу должен быть только лесной мусор, который перегнивает и превращается в плодородный слой почвы. Другой мусор, который приносят люди, они и должны уносить обратно к себе домой, а не оставлять в лесу, где попало.

На берегу Северина опять долго глядела на противоположный берег. Она уже решила, что проведает лесного жителя, но пока сама себе в этом не признавалась. Девушка чувствовала какую-то перед ним вину. Может, из-за того злосчастного выстрела или из-за неуважительного отношения к гостю, она не знала и сама. Почему-то чувствовала себя виноватой.

Северина гребла крепкими размашистыми гребками, как учил дед. Вёсла входили в воду бесшумно и так же выходили. Слышался только плеск бортов о воду. Лодка легко рассекала озёрную гладь. Маршрут проходил вдоль берега. У приметных кустов у неё расставлены тройники на поводках с живцами. Леска крепилась к рогатине, с которой она легко могла разматываться в случае улова. Первая снасть оказалась сильно натянута – это Северина заметила сразу. На ней должна быть щука, если, конечно, каким-то чудом не отцепилась. Девушка потянула за леску. Леска сразу же стала перемещаться в сторону. Имея снаровку, вытащить щуку на два килограмма не составило труда. На другой снасти тоже сидела щука.

Северина резко развернула лодку и направила её прямо на противоположный берег. Дождь идти не перестал, но шёл он с большими перерывами, зарядами. К какому месту приставать, она не знала, так и не сумев ничего разглядеть на другом берегу, гребла наугад. Изредка девушка оглядывалась, смотрела по направлению движения и снова гребла. Метров за двести до берега она увидела человека. Он находился несколько в стороне. Северина подвернула лодку и, уже не оглядываясь, гребла, строго выдерживая направление по приметам, находящимся сзади лодки. Нос уткнулся в берег прямо у ног мужчины.

– Теперь, наверно, я должен в Вас стрелять? – невозмутимо спросил он.

– Это моё озеро.

– Озеро, может быть, и твоё, но здесь живу я, арендую у тебя часть берега. Здесь мой дом. значит, все посторонние являются гостями.

– Хорош дом, если его заливают дождём и спать приходится в луже.

– Вы не правы, у меня в доме сухо. Хотите, я Вам его покажу?

– Некогда мне ходить по гостям. Видишь, занимаюсь рыбалкой, – показала она на щук. Кстати, кто-то хотел в баню. Баня истоплена. Так и быть, приглашаю помыться, если Ваша особа не откажется и, если это Вас, конечно, не затруднит. Стрелять больше не буду.

– Я собираюсь домой. Выходные закончились. Спиннинг я могу передать и здесь, раз уж приехала.

– Было бы предложено! Просто мне немного неловко за первую встречу.

– Вот возьму и не откажусь, у меня ещё есть немного времени!

– Тогда собирайте вещи и поедем, поможете мне вытаскивать щук.

– А что, много вытаскивать?

– Нет, не много, только на еду. На зиму буду заготавливать осенью, когда не будет жары.

Осенью легче хранить рыбу.

– А ты хозяйственная! И где такие только водятся? Сколько живу, таких не встречал. Так как же тебя звать?

– Северина, – просто ответила девушка.

– А я Иван.

– Я знаю.

– Какое странное имя...

– Ничего странного, зато редкое, – похвасталась Северина.

– Редкое – это точно. Ну, так что, едем?

– Едем!

Иван оттолкнул лодку и легко запрыгнул сам.

– А где вещи? – спросила Северина.

– У меня нет вещей. Чайник и котелок в лесу, а я приехал налегке.

– Как же Вы тут жили?

– Давай на «ты»?

– Давай. Вы, то есть ты не ответил на мой вопрос.

– Я так привык. Выходные – у меня разгрузочные дни.

– А остальные загрузочные? – хитро прищурившись, спросила Северина.

– Это как, загрузочные?

– Я видела, в каком состоянии ты был, когда приехал.

– Ты в этом смысле. Нет, просто получилось стечение обстоятельств.

– Разве есть такие обстоятельства, чтобы быть похожим на...? – она запнулась, подбирая нужное слово.

– На свинью? – помог ей Иван, – Разве по мне это было заметно?

– А то!

В этот раз на вёслах сидел Иван. У него не получалось грести так же умело, как у Северины, но грёб он уверенно. Северина подправляла с кормы курс палкой. Они за разговорами не обратили внимания, что опять выглянуло солнце. Облака из серых стали превращаться в белые. Они, как белые лебеди, плыли величаво по небу. Только иногда проплывала тёмная туча, которая брызгала дождиком.

– Табань! Разогнался. Ты мне всех щук распугаешь! – распорядилась Северина.

Они подъехали к очередному кусту. Повезло и на этот раз: опять на крючке сидела щука. Рыбина оказалась приличного размера. Иван прилагал значительные усилия, чтобы подтянуть её к лодке. Щука вынужденно открыла огромную пасть, утыканную мелкими зубами. Они оба ринулись к борту, чуть не опрокинув лодку. Северина вовремя отпрянула, уступив право вытаскивать рыбу мужчине. Но и мужчина не сразу вытянул щуку в лодку. Она изрядно над ним поиздевалась, успев садануть по лицу хвостом и оцарапав зубами руку. Наконец, она заняла место

среди другой добычи. Они вытащили ещё две рыбины и поехали на стоянку. Прицепив лодку к дереву, рыбаки направились по тропинке к дому. Северина шла впереди, а Иван нёс улов и спиннинг, любуясь сзади её почти идеальной фигурой.

– Не разглядывай меня, до дыр просмотришь, – не оборачиваясь, сказала Северина.

– Нет, до дыр не буду, – ответил Иван, удивляясь её проницательности, – Разве чувствуешь мой взгляд?

– Я не только чувствую, я вижу всё, что ты делаешь – это называется третий глаз.

– Не дай Бог иметь такую жену – не даст проходу, если всё видит.

– Я замуж не собираюсь, тем более за тебя!

– Разве я так плох?

– А кто тебя знает, какой-то проходимец!

Так и пришли вместе. Деда Северина дома не обнаружила.

– Дедушка в бане, – объявила она, – Ты пойдёшь после него, а сейчас почисти щук, – протянула она ему ножик, – Стол дощатый видишь? – ткнула она пальцем на стол, – Отходы бросай в бак возле стола.

– С тобой не соскучишься. Ты не только хозяйственная, но ещё и командуешь.

– Пожалуйста, можешь ничего не делать, сесть и отдыхать.

– Нет, я не против, я даже люблю чистить рыбу, а с таким командиром я готов на всё.

– Ну, тогда меня не отвлекай, мне надо согреть деду чай. Он выпаривает сейчас хворь, а потом надо напоить его чаем с малиной и уложить в постель.

Северина занялась домашними делами. Быстро наставив самовар, она пошла готовить деду свежую постель. Иван полосовал щук, больше не обращая внимания на Северину, увлечшись и стараясь выполнить работу с высоким качеством. Как вышел дед, он не заметил.

– Так, у нас опять гости!

– С лёгким паром! – обернулся на голос Иван.

– Спасибо! Ты как тут очутился?

– Возвращаю спиннинг и собираюсь домой. Выходные закончились, а Северина пригласила меня в баню.

– Что ж, в баню, так в баню. Полотенце она тебе даст, можешь идти, а тут всё оставь, без тебя сделаем.

– Да я уже закончил. Северина у тебя настоящий рыбак!

– Она не только рыбак. К труду внучка приучена.

– Я знаю, ещё и охотник, хорошо стреляет, – сразу вспомнил её выстрел Иван.

– Ну, за это ты её не ругай. Я уже сам пожурил.

– А я и не ругаю. Действительно, по лесу ходят разные люди, а она умеет постоять за себя. Ну, я пошёл!

– Северина, – окликнул дед, – Дай гостю полотенце.

Северина хлопотала по хозяйству. На столе стоял урчащий самодовольно самовар с заваривающимся наверху маленьким чайничком. Она и сама не знала, что ей не давало покоя. С тех пор, как появился этот, по её мнению, никчемный человек, праздно шатающийся по лесу, что-то в её душе переменялось. Возникло какое-то новое чувство, которое она раньше не испытывала. Ей почему-то не хотелось, чтобы он уходил. Пусть ходит, прячет трупы или ещё делает какие-нибудь гадости, но лучше, если он останется на озере. С ним не скучно и рыбу он умеет ловить не хуже её. Он внёс какое-то разнообразие в её скучную однообразную жизнь. Дед не в счёт. Они так привыкли друг к другу, что почти друг друга не замечали. Каждый из них занимался своим делом. Имелась и полная взаимозаменяемость. Дед мог готовить обед, а Северина охотиться или наоборот. Они никогда не спорили из-за домашних обязанностей.

В свои двадцать три года Северина ещё не знала мужчин. Видеть, конечно, видела много всяких проходимцев. Кого только не заносит в их скромную обитель! Всегда чего-нибудь про-

сят: то соли, то спичек, то полено для костра. Вот и этот – пришёл просить! Всем что-то надо! О замужестве Северина даже не думала – это ей и не приходило в голову. Дед, конечно, об этом думал. Он знал, что рано или поздно с внучкой придётся расстаться, но право выбора оставлял за ней. Никогда о замужестве ничего не говорил и не навязывал ей своё мнение.

Мысли её перескакивали одна на другую, но опять она возвращалась к Ивану: «А этот с руками! Видела, какие у него ручки! Гребёт неплохо. А если обнимет? – задушит». – её бросило в краску от своих мыслей. Она даже украдкой огляделась по сторонам – не подслушивает ли кто?

Иван вышел распаренный и довольный. Он пыхтел и отдувался.

– С лёгким паром! Садись пить чай, – пригласила Северина, – Дед с тобой тоже ещё чашку выпьет.

– Ты нам, внучка, принеси-ка лучше наливочки. Мы после лёгкого пару примем по одной, тогда и чай лучше усвоится.

Северина спорить не стала. Она не привыкла перечить деду. Принесла бутылку самогону, изготовленному по их особому рецепту, закуску и две стопки.

– А себе что же ты не принесла? – спросил дед.

– Ты же знаешь, что я не пью и не буду. Моя очередь идти в баню. Смотрите, чай весь не выпейте, оставьте мне после бани чашку.

– Ну, как знаешь, одна стопка бы не повредила твоего здоровья. Чай, если и выпьем, тебе согреем. А по стопке мы выпьем. Правда, Иван? – обратился он к всё ещё красному Ивану.

– Правда, дед, – в тон ему ответил Иван.

– Раньше ты заглядывал редко, а тут прямо зачастил.

– Так получилось. Я в этот раз приехал безо всего. У меня взяты с собой только деньги.

– В лесу деньги без надобности.

– Это верно. Так за что выпьем?

– Давай за знакомство, мы встречались всё как-то мимоходом, а так за столом не сидели.

– Давай за знакомство, я согласен. Хорошая у тебя внучка, выручила меня куском хлеба.

Два дня я прожил и был не голоден.

– Внучка золото, жаль в лесу женихи не водятся. А с другой стороны, замуж отдавать мне её жалко, совсем один останусь. Попадётся какой-нибудь деспот – житья не даст, – ушёл в свои мысли Николай Николаевич.

– Так, дед, жизнь устроена, что люди женятся, расходятся, рожают детей, старятся и умирают. Мы на это никак повлиять не можем. Так всё в природе устроено.

– А всё равно жалко. Это моё дитя и я за него в ответе. Росла без отца и матери. У неё друзья только звери лесные.

– Я зверей близко никаких и не видел.

– Близко их и нет. Они к человеку не подойдут, а Северину знают и подходят к ней запросто. Когда-нибудь увидишь. У неё и защитница есть: лесная рысь. Она везде следует за ней, только не всегда показывается, а от недругов защищает, к дому подходит редко, собака и кот ей враги, да и запахи человеческие лесному зверью не по вкусу. А ты что же, Иван, женат, нет? – перевёл разговор на другую тему Николай Николаевич.

– Женат. Вот от жены и сбежал сюда. Не получилось у нас, буду разводиться.

– Что так?

– Да так. – уклонился от ответа Иван.

– Ну ладно, не хочешь – не говори, в душу лезть не буду. У каждого своя дорога, по этой дороге мы и идём всю жизнь. Стоит только свернуть, как тут же заплутаешь, а чем дальше идёшь, тем труднее выбраться. Вот такая философия! Не смотри, что я в лесу живу. Лес живёт по тем же законам, что и человек. Здесь многому можно научиться. Я вижу, что ты человек неплохой. Что у вас там получилось, не знаю. Знаю одно, что с дороги вы свернули, а дальше

всё зависит от самого: сумеешь сориентироваться, увидишь, где выход на главную дорогу, не сумеешь – тропинка будет сужаться, а после и совсем потеряется.

– Спасибо, дед, вразумил.

– Ты давай, закусывай. Знаю, что два дня краюхой хлеба питался. Тебе ещё ехать. Будет время, заходи. И мне не скучно будет. Я, смотрю, Северина с тобой разговаривает. Обычно она людей сторонится, особенно мужиков. А вот и она, легка на помине!

Северина шла мимо вся распаренная.

– С лёгким паром! – почти одновременно сказали мужчины.

– Спасибо! – она не стала останавливаться, прошла в дом.

Иван тоже встал из-за стола:

– Спасибо, дед, мне пора. Пока дойду, потом доеду, там уже и ночь наступит, а утром на работу. Спасибо ещё раз за гостеприимство.

– Как знаешь, задерживать не буду. Решай свои дела. Тебе лучше знать, что делать. У вас в городе другая жизнь, торопливая и непонятная. Правда, живём мы под одним небом, в одном государстве и на одной земле, – философски закончил свою мысль Николай Николаевич.

– До свидания, – Иван зашагал размашистым шагом по тропинке к калитке.

* * *

Вернувшись домой, Иван обнаружил жену дома. Она мирно посапывала в кровати. Почувствовав его присутствие, Светлана проснулась.

– Ты почему не ушла? – спросил Иван.

– А куда я пойду?

– К соседу или к маме. Здесь ты уже не дома.

– Никуда я не пойду, – заявила Светлана.

– Я подаю на развод, мне распутная жена не нужна.

– А кто же тебе нужен? Развода никакого ты не получишь!

– Ещё как получу! Будешь артачиться, я предъявлю фотоснимки, – сблефовал Иван.

– Какие фотоснимки?

– Я успел заснять процесс на плёнку.

– Только посмей! – взвизгнула Светлана.

– Значит, развод. Я вижу, ты согласна. Спать я буду на диване. Завтра уйду на работу, а ты займись упаковкой своего имущества. У твоей мамы жилплощадь большая, перебирайся пока к ней, по крайней мере, до официального развода. Переехать сосед тебе поможет. Неужели откажет? – спросил, не ожидая ответа, Иван.

– Я всегда знала, что ты подлец. Да, я изменяла тебе и что такого?!

– Вот и иди к своему любимому.

Утром Иван торопился на работу. Он быстро согрел чайник, выпил кофе и, переодевшись, ушёл, даже не побрившись. Ему не хотелось устраивать бесполезные дискуссии, которые заводили только в тупик и пользы не приносили. Работал он в геологоразведке, поэтому его и тянуло на природу, к которой он привык и чувствовал себя там, как дома. Жуков ещё не был настоящим разведчиком, только учился, работал, как говорят, на подхвате, но это его несколько не смущало. Все когда-то начинали с нуля и числились в своём деле птенцами. Всё со временем придёт, надо только набраться терпения.

Он почему-то думал о Северине. Ему показалось странным, что он её не встречал раньше. На заимке бывать ему доводилось, но всегда он видел деда одного, который встречал обычно у калитки. Встречи случались мимолётные и ни к чему не обязывающие. Обычно Иван чего-нибудь просил или попользоваться, или, например, как в прошлый раз, щепотку соли. Собираясь на рыбалку, о соли думаешь как-то в последний момент или забываешь, а вспоминаешь,

когда надо посолить рыбу или уху. Вот дед и выручал, у которого в хозяйстве имелось всё. Северина, наверно, скрывалась в доме или находилась где-нибудь в лесу, иначе, как её можно не заметить?

А за столом в хозяйстве деда он сидел первый раз. Раньше Жуков считал деда нелюдимым и неразговорчивым. Возьмёт, что надо и отчаливает опять к себе, не обмолвившись и парой фраз. Рыбачить Иван умел хорошо сами и жил на озере в стороне. Друг другу они не мешали. У Ивана имелись свои уголья. Может, они и не совсем свои, раз Николай Николаевич жил тут постоянно, но он ни разу ни в чём Ивана не упрекнул и их пути не пересекались. Жуков не являлся охотником, поэтому лесных обитателей он не трогал, а в рыбалке уж, как повезёт. Озеро большое и, если не хищничать, рыбы хватит на всех. Так оно всё и происходило на самом деле. Люди приезжали, жили день-другой и уезжали, оставляя после себя кострища и кучки мусора, когда не удосуживались его сжечь или закопать в землю.

Сам Иван мусор никогда не оставлял. Его профессия заставляла часто бывать на природе. Природу он любил и никогда не разбрасывал вокруг себя отходы. Так, впрочем, делали и остальные геологи, у которых Иван учился и перенимал опыт. Со Светланой он познакомился в один из полевых сезонов. Они работали, а группа молодых людей отдыхала на свежем воздухе. Вот их пути и пересеклись. Вскоре Светлана тоже стала Жукова, сменив при регистрации свою фамилию. Её с молодым человеком совместная жизнь устраивала, тем более что друг другу не надоедали, так как Иван частенько отсутствовал. Она оказывалась предоставлена сама себе и делала, что хотела. Любви у них не возникало. Просто мимолётное знакомство переросло в брак в надежде, что потом всё придёт, но оно не приходило. Они жили вместе, не ругались, но и не питали друг к другу особых чувств.

А потом Иван стал замечать, что в Светлане что-то изменилось. Она стала потягивать винцо. Иногда исчезала из дому даже при нём, никак не объясняя своё отсутствие. Иван это видел, но никак не реагировал, чтобы не портить семейные отношения. Вот и дождался, что застукал жену за неблаговидным делом на той же самой постели, на которой спал сам. Он и отнёсся к этому спокойно, так как внутренне уже оказался настроен к такому сценарию.

* * *

Северина опять стояла на берегу гольшом, готовясь к утренней процедуре. Сегодня она знала, что с противоположного берега за ней никто не наблюдает, но всё равно смотрела туда. Появления солнца ещё ждать долго, поэтому влезать в воду девушка не торопилась, наслаждаясь утренней свежестью и слегка поёживаясь от прохладного воздуха. Она знала, что стоит только окунуться в воду, сразу станет теплее. Вода ещё не успела остыть, невзирая на утренние прохладные часы. Природа готовилась к осени, но всё шло своим чередом, медленно и по своему расписанию. Сегодня тумана не оказалось. Небо выглядело ясным и звёздным, хотя на блеклом фоне высыпали далеко не все звёзды, остальные, менее яркие, прятались где-то там, за атмосферой.

Утки плавали всё так же на середине, как и в прошлый раз – это их любимое место. Северина знала, что в том месте мелководье, глубина достигает едва ли полутора метров. Водоросли на мелком месте образовывали целые заросли, в которых водилось много всякого полезного корма для утиных желудков. Они ныряли и выискивали на корм лакомые кусочки. Имелось только одно неудобство, про которое утки знали, но проявляли в этом плане полную беспечность. Мелководье с травой являлось любимым местом для щук, которые охотились за рыбой, но иногда в пылу азарта уносили и птенцов у уток, нападая снизу из укрытия. Иногда вместо шести птенцов к осени оставалось только два. Остальные шли на корм ненасытным щукам, которые достигали иногда просто огромных размеров, настоящие крокодилы.

На противоположной стороне яркая полоска неба светлела и расширялась. Вот-вот должно появиться солнце. Северина знала, что оно осветит сначала вершины ёлок. В этот момент сразу станет совсем светло. А потом солнце покажется ярким огнём за деревьями, постепенно выползая кверху, повиснет на вершинах ёлок, но, не задержавшись, отделится и поползёт вверх.

Вдоль берега плыла ондатра. Она передвигалась от кочки к кочке, копошилась в траве и плыла дальше строго по определённому маршруту, совершая это путешествие каждое утро. Через некоторое время она поплывёт обратно тем же маршрутом, но иногда устремляется напрямик между мысочками, спрямляя путь.

Девушка с разбегу бултыхнулась в воду и поплыла, не оборачиваясь, от берега. Утки, испугавшись внезапного шума, поплыли в сторону от Северины.

Откуда-то взялись лебеди. Северина точно знала, что их не было всё лето. Теперь же, далеко от этого берега, плавала пара лебедей. Возможно, прилетели на кормёжку с другого озера. Озёр в этих местах множество, для птиц настоящее раздолье.

Северина плыла обычными размашистыми движениями, не чувствуя ни усталости, ни страха, ни какого-либо дискомфорта. Она чувствовала себя в воде так же, как рыба. Она здесь находилась дома. Могла бы, как утка, нырять и искать где-то в траве корм. Вся опасность исходила от людей, от их привычки чувствовать своё превосходство, быть охотником, агрессором. Людей боялось всё живое, пряталось в траву, в лес, в норы, на дно водоёма, лишь бы подальше уйти и не встретится с человеком.

Хозяин тайги, медведь, тоже избегал человека, без надобности старался с ним не встречаться. Только голод мог заставить его на человека напасть, причём схватка эта оказывалась не всегда в пользу зверя. Человек мог воспользоваться ружьём, ножом, рогатиной, поставить капкан или заманить зверя в яму, из которой уже не выбраться.

Девушка оказалась полностью погружена в свои раздумья и в этот раз почему-то не любовалась восходом солнца; спохватилась она, когда солнце висело над ёлками, ярко слепя глаза, когда Северина плыла навстречу. Оно отражалось от воды, и блики заставляли жмуриться, прикрывать веки. Пришла пора возвращаться. Девушка повернула назад к берегу, который сейчас освещён и стал ярко зелёным. Лето стояло с дождиками, трава не успела пожелтеть и пожухнуть, а заморозков пока не предвиделось. Лиственные деревья шелестели зелёными листочками, колыхавшимися от лёгкого утреннего ветерка.

Северина вышла на берег, не спеша обтёрлась полотенцем, подставляя тёплым лучам солнца все участки тела и наслаждаясь прикосновением лучей солнца и ветерка. Затем она нырнула в халат и почти побежала к жилищу. Сороки, как обычно, о чём-то радостно трещали, сопровождая её до дома. Ворона сидела на привычном месте. Увидев Северину, произнесла своё обычное «кар-р-р» то ли радуясь, то ли кого-то предупреждая о появлении человека.

Её встретил Кешка. Он сидел у калитки, глядел в её сторону и терпеливо ждал, когда она подойдёт. Животные привыкли получать корм по расписанию, знали это время и всегда находились на месте.

Северина выпустила кур, насыпала им корма и оставила пастись во дворе. Она знала, что кот не даст им убежать со двора. Он, как настоящий сторож, выполнял свою обычную работу. Тучку она тоже отпустила с привязи, оставив порезвиться во дворе. Собака дальше двора без разрешения не убегала. День ясный и солнечный набирал силу, обещая быть тёплым и приятным. Северина пошла переодеваться в свою обычную охотничье-фермерскую одежду.

Хозяйка беспокоилась: куда-то пропала рысь Косуха. Это жила рядом необыкновенная рысь с голубыми глазами, можно сказать – альбинос. Косуха Северине на глаза показывалась регулярно, больше она никому не доверяла, но последние несколько дней рысь не появлялась, куда-то исчезла и никто её не видел.

Северина нашла её маленькой – тогда она выглядела, как маленький котёнок. Куда делась её мать, никто не знал. Девушка принесла её в дом, напоила из соски молоком, которое животное с удовольствием высосало. Рысь прижилась, играла с Кешкой и Тучкой, не брезговала и курами, только боялась страшного петуха, держалась от него подальше. Будучи ещё маленькой, Косуха, гоняя кур по двору, не заметила, как подкрался петух и долбанул её своим страшным клювом. Ей было очень больно. Косуха отскочила, зашипела, но петух и не думал сдаваться, опять ринулся в атаку. Пришлось убежать Косухе, не смотря на то, что у неё имелось страшное оружие – когти. Про них она просто забыла. Самым близким другом у неё стала Северина, которая её кормила и поила. А потом рысь подросла и стала убежать в лес, но непременно возвращалась к дому, обходила нехитрое хозяйство, проверяла все ли на своих местах и опять убегала. Северина только выходила за калитку, как Косуха появлялась ниоткуда, обнюхивала её и сопровождала, держась на значительном удалении. Когда заимку посещали незнакомые люди, она никогда не показывалась на глаза, сидела где-нибудь на дереве и насторожённо наблюдала со стороны – не обидит ли кто-нибудь хозяйку.

Северина вышла за калитку и позвала Косуху, но никто не появился. «Странно», – подумала она, – «Косуха могла загулять, но сейчас для этого не сезон». В полном недоумении девушка вернулась назад в дом. Ей не хотелось терять верного друга, но о плохом она пока не думала. Охотников в лесу сейчас нет, посещают его редкие туристы да грибники. Зверей Косуха не боится, скорее они боятся её.

Николай Николаевич что-то мастерил. От дома он пока далеко не отходил, выжидал, чтобы окончательно поправиться. Через день-другой надо снова ехать за продуктами. Хлеб они покупали в магазине. Были годы, когда приходилось печь самим. Теперь же Северина занимается этим от случая к случаю, когда есть настроение и желание попробовать экзотических булочек и пирожков: с грибами, с морошкой, с черникой, с брусникой. Её умение на этом не ограничивалось, она всегда старалась внести в свои творения что-то новое. Иногда пекла кулебяки, благо рыбы для них имелось предостаточно.

Николай Николаевич последнее время редко улыбался. Настроение портил местный начальник ОБХСС Дерикуйко. Он стал часто навещать и, как правило, не один, а с одним или двумя сопровождающими. Конкретно он ничего не спрашивал, но всё что-то ходил, вынюхивал, выспрашивал, даже проверял на ощупь. Последний раз заглянул даже в сарай и в баню. Его приходилось кормить и угощать, так как от угощения он никогда не отказывался, а, наоборот, напрашивался сам, да ещё просил и стопку налить. Одной стопкой, как правило, дело не заканчивалось. Он сидел за столом, развалившись на деревянном диване и, чавкая, облизывал жирные губы, нахваливал угощение и просил ещё, особенно свежую рыбу, да не какую-нибудь, а обязательно повкуснее и пожирнее. Уходил, держа всегда под мышкой свёрток с рыбой. Тем не менее, он всё равно что-то искал. В крепком хозяйстве Николая Николаевича за многие годы скопилось добра не мало. Он всю жизнь работал, не покладая рук, делал запасы на зиму, расширял своё хозяйство в расчёте на то, что Северина выйдет замуж, и они с мужем пожелают жить при нём.

В доме всегда водилась рыба, причём, и чир, и хариус, и форель. Всегда имелась и лосятина в любом виде, в том числе свежая, хранящаяся в надёжном леднике. К нему навещались гости специально за рыбой, а чтобы хозяин не отказал, всегда что-нибудь с собой привозили для хозяйства. Он имел свою малогабаритную электростанцию, мотокосилку, что по тем временам являлось экзотикой. Простые люди этого на свою зарплату иметь не могли. Он имел трактор-трелёвочник, легковую автомашину, что тоже являлось большой роскошью, а также катер от организации, в которой в своё время работал; он имел много сетей, орудий труда, капканов и ловушек. Всегда в погребе стояли бочки с рыбой, мясом и другими заготовками. Возможно, кому-то не нравилось, что хозяин хутора имеет большое хозяйство, тогда, как тунядцы и, так называемые, пролетарии едва сводили концы с концами.

Вот, очевидно, Дерикуйко и зачастил, он не выкладывал напрямую, что есть жалобы от населения; не говорил, что ищет, но непременно заглядывал при случае во все укромные уголки, не забывая и кормиться от крепкого хозяйства. Он единственный не привозил своего ничего и не дарил.

Дерикуйко оказался лёгок на помине. Только Николай Николаевич о нём подумал, как он появился у калитки в сопровождении двух милиционеров, одетых в форму.

– Привет, Завьялов! Рыбкой не угостишь?

– Да куда мне от тебя деться, если не угощу, всё равно выпросишь!

– Что-то ты обо мне плохого мнения. Я ведь спрашиваю по дружбе. Смотри, я даже со своей бутылкой пришёл, только мы эту пить не будем, по доброте своей угости фирменной наливочкой.

– Скажи прямо: что ты у меня ищешь?

– Да что ты, Бог с тобой, я ничего не ищу, ехали мимо, вот и заскочили, по старой дружбе!

– Волк овце тоже в дружбе клялся, – ответил Завьялов, – Северина! – крикнул он, – Съезди на озеро, проверь ловушки, может, щучка какая попалась!

– Хорошо, дедушка, – ответила Северина.

– Ну и невесту ты вырастил, красавица! Может, за меня замуж выдашь?

– Ты для неё старый и не справишься. Если что не так, она враз зуб выбьет.

– Ты же знаешь, где я работаю, чтобы справиться – у нас имеются свои методы.

– Нет, нам эти методы не подходят.

– Это я так. А ты всё же подумай.

– Северина сама решает с кем ей быть, я ей не указчик и не советчик.

– Ну-ну, – только и сказал Дерикуйко, – Ну так как, насчёт наливочки?

– А куда мне деться? Не вовремя вы, работы много. Садитесь вон за стол во дворе, по одной налью.

Николай Николаевич не стал выставлять всю бутылку, знал, что она опустеет довольно быстро. Он наполнил в доме графин и вынес самогон в графине.

– А ты знаешь, хозяин, что ведётся борьба с самогонварением?

– На вас не угодишь: то наливавай, то про борьбу. Вы определитесь, чего хотите. Я ничего не украл, что имею, всё нажито трудом.

– Смотри, какой обидчивый! Считай, что я пошутил, при нас можешь ничего не бояться.

Дерикуйко зачем-то ковырял носком сапога землю под деревом. Потом пошёл вдоль забора.

– Не ходи, у меня собака злая! – крикнул Николай Николаевич.

– Так она же на привязи!

– А вдруг сорвётся и покусает. Садись за стол, всё налито. Я выпью с вами только одну стопку, у меня много работы.

– Садись, садись! – Дерикуйко чуть не силой стал его усаживать, – Никуда не денется твоя работа.

– Не пойму я вас: то ли вы при исполнении, вон в форму облачились, то ли вы так по гостям ходите, и как мне с вами разговаривать? Вы же власть, значит, я не могу говорить всё, что думаю, тут же и арестуете.

– А ты не говори против власти.

– Я и не говорю, отношусь с уважением, за стол посадил. Вы тут пока наливайте, а я самовар поставлю, чтоб чайку свеженького. Северина приедет, рыбы привезёт, с собой дам.

– Дед, а я не пошутил насчёт сватовства, ты подумай.

– Эта тема закрыта. Я не решаю. Если влюбился, разговаривай с Севериной, но она может и кочергой проехать, не посмотрит, что милицейский начальник.

Завьялов ушёл на крыльцо, возился с самоваром, тянул время, чтобы не идти за стол. Не хотелось ему сидеть с ними за одним столом. Он знал, что Дерикуйко не только у него отоваривается, бывает он и в потребсоюзе, шарит по складам и в других организациях. Слух о нём ходит нехороший. «Другие милиционеры не в счёт», – размышлял хозяин, – «Он их просто не знает, да они и молчат, не лезут в душу со своими законами. А этому всё что-то надо. Глаза бегают, зыркают по сторонам. Если разобраться, чего ему в чужом хозяйстве высматривать? Социалистической собственности здесь нет, значит, ничего не похищено. Всё нажито своим трудом. Хозяйство, конечно, крепкое, большое, но это зависит от того, кто и как трудится. Если на диване лежать – ничего этого не будет. Всё построил сам, своими руками, немало денег заплатил за землю и потратил на взятки, иначе ничего бы не добился».

Не давали Завьялову землю у озера, говорили: «Живи, как все, в деревне или в городе». Он не хотел, как все, не любил беспорядок и грязь, клевету и подхалимство, беззаконие и хамство. Коммунисты и те облажались: сплошь бюрократы, подхалимы, взяточники; погрязли в волоките, кипах ненужных бумаг. Простому человеку в их кулуарах правды не найти. Завьялов решил жить отдельно, своим хозяйством, у него был маленький ребёнок, которого надо растить и воспитывать; и держать подальше от соблазнов и развязной городской публики. Овдовел Завьялов рано, пришлось самому тащить весь семейный воз: и стирать, и варить, и заниматься промыслом. Северина подросла, стала помощницей, научилась мало-помалу у него всему, что умел сам.

– Хозяин, – уже развязным голосом позвал Дерикуйко, – Самогон стынет! Что-то ты нас избегаешь.

– У меня хозяйство, жены нет. Кто же вам чай согреет?

– Садись, пока есть самогон, чай не нужен.

– Северина придет, чаю захочет, за ребёнком пригляд нужен.

– Ребёнок? Этому ребёнку хороший мужик нужен, вроде меня.

– Для меня она ребёнок, – сказал, как отрезал Николай Николаевич, – А кто не уважительно отзовётся, на этот случай у меня есть оглобля.

– Ладно, ты не серчай, после поговорим, давай нам своего чайку, да мы поедем. Что-то маловата тара оказалась, дно показалось. Ты уж извини, водку мы возьмём с собой, в дороге пригодится.

Северина тащила в мешке улов. Мешок оказался увесистым, пришлось ей согнуться под его тяжестью.

– Неужели, дед, это всё нам! – воскликнул Дерикуйко.

– Разлопятило! А нам что же, не надо? – вопросом на вопрос ответил Николай Николаевич.

– Тогда, надеюсь, поделишься. В голодный год сочтёмся.

«Как же, ты сочтёшься!» – подумал Завьялов.

Он отдал большую часть улова, лишь бы незваные гости поскорее ушли.

– Как-нибудь навестим! – уходя, воскликнул Дерикуйко. Милиционеры молча двинулись за ним к калитке, унося в мешке улов.

– Северина, – сказал дед, – Ты бы лучше лишний раз этому прохвосту на глаза не попадалась, чую, что-то недоброе у него на уме.

– Хорошо, дедушка. С такими упырями, в случае чего, я знаю, как обращаться.

– Знать мало, против силы не попрёшь! У них власть! Закон тоже на их стороне.

Больше на эту тему они не разговаривали.

Ходили слухи, что на заимке Завьялова зарыт клад: золото и драгоценности – поэтому он там и живёт. Это распускались только слухи и выдумывали их люди с нечистой совестью, завистливые и жадные. Может быть, Дерикуйко и подпитывался этими слухами: не зря же он ковырял сапогом землю, пытаясь наверно напасть на след клада.

Золото у Завьялова имелось: золотое кольцо, оставшееся от жены и золотой кулон, который достался по наследству в своё время супруге. Он эти реликвии берёт и надеялся кулон подарить Северине на свадьбу. Таким образом, она вступила бы в законные права на владение им, как наследник.

Всю жизнь Николай Николаевич проработал в леспромхозе на сплаве леса. Водил плоты по широкой, но мелкой реке, которая и находилась-то от заимки всего в полутора километрах. Там он держал свой катер. Маленький лесной посёлок, застроенный на скорую руку бараками, приютил всех, кто не имел постоянного своего угла. Многие остались без работы, но прижились и не выселялись из своих барачков, да и выселяться особенно некуда, нигде их не ждали, состарившихся здесь и оставшихся не у дел.

Сплавливать лес – это их основная работа, но наступили времена, что сплавливать стало нечего. Лес на корню имелся, но лесозаготовки перестали существовать, леспромхоз сам по себе распался, оставив сотни людей без работы и средств к существованию.

Завьялов тогда и решил жить самостоятельно, отдельно от всех. Весь его заработок зависел от промысла зверя и лова рыбы. Заработок получался не регулярный, случайный, зависимый от времени года и Господа Бога, но он приспособился и жил не хуже других.

На сплаве заработки у всех хорошие, но тоже сезонные, в среднем на месяц получалось не так уж и много, но жить вроде можно. Трелёвочник и катер он использовал и для личных нужд. В хозяйстве всегда надо что-то перевезти, подвезти, заготовить дрова и строевой лес. Техника в хозяйстве всегда кстати. Даже на охоту он умудрялся выезжать на катере, обычно попутно, совмещая с работой, но однажды нарушил даже рабочий график. Приехали к нему знакомые охотники, не имеющие ни кола, ни двора, не говоря уже о личном транспорте, ну и за очередным тостом он сам предложил свозить их на луг, богатый водоплавающей дичью, поохотиться. Ему предстояло идти за очередным плотом вверх по реке Великой, а он повёз мужиков вниз, доложив по рации, что следует за плотом. Случилось непредвиденное: прошли они всего три километра, как заклинил двигатель. Никто этого не ожидал, но двигатель решил вести себя по-своему. Убедившись, что двигатель не завести, все высыпали на палубу. Стояла тихая с лёгким ветерком погода. Яркое светило весеннее солнце так, что слепило глаза. Река несла редкие весенние льдины и среди них катер. Свежий воздух, напитанный большим обилием влаги, по-весеннему освежал. Душа бы радовалась, если бы не обстоятельства. Погоду никто не замечал и не радовался.

Люди молча наблюдали, как их несёт вниз по течению, не в силах что-нибудь предпринять. Катер – это не лодка, где можно подгрести вёслами и причалить к берегу.

– Неужели ничего нельзя сделать? – спросил капитана один из охотников.

– А что тут сделаешь? – в тон ему ответил капитан, – С таким течением по весенней воде ни один якорь не выдержит. Будем надеяться, что прибьёт где-нибудь в кусты или кто-нибудь заметит с берега и сообщит. А, может, подберёт другой катер, если объявится.

Неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы ещё через три километра струя воды не поднесла их почти к самому лугу, на котором они собирались охотиться. Умудрились люди с помощью верёвки и лодочного маленького якоря зачалиться к берегу, а потом уж швартовку сделали настоящую, чтобы случайной льдиной катер не оторвало.

Было за трудовую жизнь много всего, можно написать книгу. Теряли при буксировке плоты, садились на мель, выкидывало при сильном ветре на берег, рвало стальные тросы – всё это происходило, но постепенно забывалось, из памяти стиралось и затмевалось новыми происходившими событиями.

Катер сейчас стоял обсушенный на берегу, ржавел и ждал своего часа. Время от времени Николай Николаевич им пользовался, стягивал трактором в воду, поднимал флаг и запускал двигатель.

– Дедушка, я поеду в город, – услышал он, занятый своими мыслями, голос Северины.

– Чего же с ментами не уехала?

– С ними не хочу, поеду с простыми людьми на автобусе.

– Съезди, коли приспичило. Не задерживайся там. Ты взрослая, я тебя держать не могу.

– Я, дедушка, ненадолго. К ночи вернусь!

Северина взяла деньги, большую сумку и через десять минут уже шагала от калитки в сторону трассы. Не отошла она и ста метров, как почувяла присутствие Косухи.

– Косуха! – позвала она.

Рысь тут же показалась на глаза, но близко не подошла.

– Где же ты пропадала. Я уже начала беспокоиться. Нельзя же так исчезать!

Косуха подбежала к ноге и начала тереться о ногу.

– Ладно-ладно, я тебя простила, только нам сейчас не по пути. Там люди, тебе лучше не показываться.

Косуха проводила её до самой трассы. Там они и расстались. Северина пошла на остановку автобуса, а рысь растворилась в лесу.

Городишко из себя хоть и небольшой, но шумел, скрипел, шуршал на все лады. Больше шума возникало от редких от машин, но и водители кобыл, занимающиеся извозом и перевозкой по заказу грузов, понукали, не стесняясь, своих лошадей, трёхэтажными словосочетаниями. Женщина, передвигающая перед собой тележку с «пломбиром» по рытвинам на дороге, проклинала не ведомо кого своим зычным голосом, привыкшим созывать покупателей, причём теми же словами, что и извозчики своих кобыл.

– Каму-у мороженого? – нараспев тараторила она.

– Поберегись! – это уже относилось к Северине.

Она, не привыкшая к суете, замешкалась на середине дороги.

– Го-о-ол! – донеслось откуда-то со двора.

– Вася, домой, обедать! – звала из окна мамаша своего отпрыска.

– Барышня, компанию не составите? – Северина обернулась. Двое подвыпивших парней обращались к ней.

Девушка ничего не ответила, просто пошла прочь от них в нужном направлении. Из подворотни выскочил юркий мужичонка. Сзади неслась, если можно так выразиться, огромная фигура женского полу со сковородкой в руке.

– Только попадись мне, ирод окаянный!

Мужичок нырнул между домами и исчез. Женщина, тяжело дыша, остановилась и понуро отправилась в обратный путь.

– Девушка, вы не меня ищите? – перед ней стоял Иван.

– А Вы..., а ты, как тут?

– Я тут живу, гляжу, а ко мне гости.

– Я не к тебе. Приехала за продуктами, только слезла с автобуса. Не зря говорят, что гора с горой не сходится, а человек...

– Я тоже не ожидал тебя увидеть. Иду, а тут ты стоишь, – солгал Иван.

На самом деле он иногда встречал нужный автобус, зная, что Северина ездит за продуктами.

– Ещё подумал: может, это не ты, но твои огненные волосы трудно перепутать. Пошли в гости, я стрелять не буду, – съязвил он.

– Ты что? Я к мужчинам в гости не хожу. Да и некогда мне, надо успеть уехать обратно.

– Обратно успеешь, пошли, – категорически сказал он, – Я у тебя был, даже в бане мылся, сейчас ответный визит. Попью чаю, а потом я помогу тебе купить всё, что нужно и посажу на автобус.

– Ну, раз так, пойдём!

Северина, оглядываясь, вошла в городскую квартиру. Всё здесь выглядело необычно и непривычно.

– Ты располагайся, мой руки, – показал Иван нужное направление, – А я займусь чаем. На беспорядок не обращай внимания, я ещё не успел прибраться. Жена собиралась, искала свои вещи, но забрала ещё не всё.

Он удалился на кухню. Северина, не привыкшая к беспорядку, сняла всё же обувь, нашла большие мужские тапки и пошла в них в ванную. Там лежали женские причиндалы: какие-то кремы, лосьоны, расчёски – всё это лежало навалом в какой-то невообразимой куче. Этот хаос дополнял общую обстановку в квартире.

Она оглядела себя в зеркало, поправлять ничего не стала. А чего тут поправлять, если у неё всё естественное? Не водилось никаких скрепок-заколов, теней и полутеней. Имелась просто природная красота, от которой пахло свежим воздухом, лесом. Из зеркала на неё глядела красивая женщина с отливающими огнём волосами, красиво опускающимися на плечи. Северина прошла на кухню.

– Ты посмотри хоть квартиру, где я живу, – сказал Иван.

– Не хочу. Во всех углах, везде, есть присутствие женщины.

– Я же сказал, что жена вывезла не все вещи.

– Она это сделала специально, чтобы вернуться.

– Не думаю. Просто у неё привычка разбрасывать свои вещи, а потом их усердно искать и снова класть не на своё место.

– Ты плохо знаешь женщин. Вы с женой разошлись?

– Можно сказать и так. Я попросил её покинуть этот корабль, но официального развода ещё не состоялось. А то, что плохо знаю женщин, ты права. Вот и в жене я не разглядел вовремя предателя и пустышку.

– Так уж и пустышка? Не хочу быть назойливой, но почему вы разошлись?

– Так, стечение некоторых обстоятельств. Я не хочу об этом говорить.

– Извини!

– Извиниться не за что. Просто я не ответил на вопрос. Расскажи лучше, как рыбалка?

Северина рассказала о последнем улове, а заодно и о посещении их семьи Дерикуйко, который почти весь улов увёз.

– Этого прохвоста знают все. Он отоваривается не только у вас. Ходит, якобы с проверками, но уходит всегда с охапкой гостинцев. Хорошая у него работа!

– Завидуешь?

– А чему тут завидовать? Он себе репутацию сделал, не позавидуешь. Садись, чай у меня уже готов, – он налил обоим чаю, поставил на стол варенье, печенье, – Чай, конечно, не такой вкусный, как у тебя, но в городе самоваров уже почти нет.

– Ничего, попьём и из чайника.

Они пили чай, разговаривали, пока Северина не спохватилась:

– Мне пора, я и деду обещала приехать вовремя.

– Тогда меня эксплуатируй. Я буду таскать тяжести, а ты их приобретаешь.

– Не хочется тебя отрывать от дела, я и сама справлюсь, – Северина сняла тапки и обулась.

– Меня ты от дела не отрываешь, а порядок в квартире я наведу быстро. Мне ничего не хотелось делать, а теперь я знаю, что ты можешь зайти в гости, поэтому в квартире будет порядок. Я буду тебя ждать.

– Приезжай лучше на озеро, будешь моим напарником на рыбалке. Там я под охраной, а здесь чувствую себя не в своей тарелке.

– На озеро я приеду. Только что-то охраны я у тебя не заметил.

– Потому и не заметил, что хорошая охрана. Наперёд знай, что ко мне приближаться без разрешения нельзя.

Иван проводил Северину на автобус. Все желающие едва в нём уместились. Каждый вёз что-то для дома: баулы, сумки, кузова, даже ящики. Водитель едва закрыл ручкой переднюю дверку, через которую пассажиры заходили в автобус. Как все разместились, непонятно, но никто не жаловался, что стоял на одной ноге или был кем-то придавлен. Долгая практика показывала, что после нескольких бугров на трассе всё утрясётся и уляжется. Каждый займёт наиболее удобное положение, благодаря исчезнувшему кое-где зазорам и глубокому выдоху после посадочной суматохи. В автобусе духота и жара, но эти неудобства никто не замечал. Главное, что транспорт двигался в нужном направлении. На первой же остановке за городом освободится часть пространства и автобус побежит резвее.

Северина ехала стоя, задумавшись, но о чём бы она ни думала, мысли перескакивали на Ивана. Она сама себя поймала на том, что думает о нём, пыталась переключаться на другое, но память возвращала к первой встрече, к необдуманному выстрелу и перевёрнутой в тумане одежде.

Наступил поздний вечер, когда автобус довёз её до развилки. Северина к этому моменту нашла место и сидела, а не стояла. Большая часть пассажиров вышла ранее, освободив автобусное пространство. Косуха её ждала. Не успел автобус отъехать, как она выдала своё присутствие.

– Пойдём, мой охранник, проговорила в сторону кустов Северина.

Она пошла по тропинке, таща тяжёлую сумку.

Николай Николаевич её тоже поджидал. Ужин стоял на столе.

– Дедушка, мне что-то есть не хочется.

– Кто же тебя в городе накормил? – спросил он, внимательно её разглядывая.

Она смутилась под его взглядом.

– Никто не накормил. Просто есть не хочется. Я пойду спать.

– Ну, как знаешь! Я завтра понесу в лес капканы, прохожу целый день. Будешь тут одна управляться. А в дом посторонних никого не пускай! – наказал дед.

* * *

Неделя пролетела незаметно. Объявился и второй потеряшка – олень. Северина встретила его в лесу, когда и не ожидала увидеть. С оленем у Северины была давняя дружба. Она, как и Косуху, его выходила и выкормила с рук, а когда он подрос, отпустила на волю. Олень по его оленьим меркам, был уже старый, жил по соседству в лесу и до сих пор не попался в руки охотникам и другим любителям лёгкой добычи.

Северину он спас, когда ей исполнилось всего десять лет. Как-то весной, когда снег ещё не совсем стаял, Северина ходила в березняке, пристраивала посуду для сбора берёзового сока. Здесь она и повстречала серого разбойника-волка. Волков девушка близко никогда не видела, подумала даже, что это чья-то собака заблудилась и ходит по лесу. Плохо бы дело кончилось, если бы рядом не оказался верный друг, олень Берегут. Он и напал на серого, хотя должно было быть всё наоборот. Волк не посмел нападать сразу на двоих. Он скалил зубы, выбирал удобную позицию, но ветвистые рога оленя всё время оказывались на его пути. Северина в это время успела зажечь бересту, воткнула её на палку и вместе с оленем они заставили волка отступить. С тех пор их дружба стала ещё сильнее. После этого случая она и попросила деда научить её стрелять, а, научившись, стала брать в лес с собой одноствольное ружьё, но больше на неё никто не нападал. Может, звери чуяли запах пороха, а, может, они перестали воспринимать её, как добычу.

Наступила суббота. Девушка шла к озеру, где скоро должно появиться солнце. Северина остановилась в раздумье: раздеваться совсем или нет? Потом решительно разделась, но шагнуть в воду не успела. Сзади послышался шорох. В это же мгновение она краем глаза увидела, как промелькнула чья-то тень. Косуха взлетела на дерево рядом с ней и замерла, готовая к прыжку.

– Не подходи, у меня охрана, – не оборачиваясь, сказала она.

– Я и не подхожу, – тихо ответил Иван, – Я видел это страшное чудовище. Как ты догадалась, что это я?

– Здесь по утрам больше никто не ходит. Только ты один за мной подсматриваешь.

– Я не слежу, иду к себе, как обычно, вокруг озера, но потом подумал, что ты здесь и решил, что мы можем вместе встретить рассвет. А ты очень красивая!

– Не смотри на меня и не подходи. Косуха может напасть, поэтому не приближайся. Я рассвет привыкла встречать одна и ещё сейчас не та ситуация, чтобы нам находиться вместе. Иди своей дорогой, – она так и не обернулась, с разбегу погрузившись в воду.

– Приезжай, я буду тебя ждать! – вдогонку крикнул Иван. Он боязливо смотрел на дерево, на котором затаилась рысь. Так, пятясь назад, он и удалился по тропе.

Северина плавала на значительном удалении от берега. Он помахал ей рукой, не надеясь, что она это увидит. За ёлками на противоположном берегу полыхало яркое зарево, на фоне которого хорошо просматривались отдельные деревья. Огненная полоска ширилась, удлинялась, из багровой постепенно превращалась в золотую. Между деревьями показалось солнце. Откуда-то вылезла туча, которая сразу спрятала солнце, не дав насладиться его ласковыми лучами всему живому. Сразу всё потемнело, отсрочив рассвет ещё на некоторое время.

«Будет дождь», – подумала Северина. Она последнее время испытывала какое-то новое чувство, прислушиваясь к себе, но кроме учащённого дыхания ничего не замечала. Иван ей нравился, но она была не готова к тому, чтобы стоять перед ним голышом. Его присутствие её сильно смутило, поэтому она постаралась быстрее исчезнуть под водой. Наверняка он оказался в это время не случайно, пришёл не позже и не раньше, может, наблюдал за ней. Правда, автобус приходит примерно в одно и то же время. В день, когда был туман, Иван проходил здесь, когда она купалась.

– Рассвет вместе встречать ещё рано, – проговорила она вслух, – Слишком мало я его знаю.

«К тому же он женат», – уже мысленно размышляла Северина, – «Формально, но женат и не развёлся. Говорит, что разошлись, а, может, его жена и не думала расходиться. Ничего я о его семье не знаю и о работе, и о нём самом» – сделала она неожиданный вывод.

С этими мыслями она и вышла на берег. Осматриваясь по сторонам, Северина прикрылась полотенцем и вытерлась.

Косухи рядом не оказалось.

«Как бы она на него не напала», – подумала Северина, – «Ещё приревнует и загрызёт, правда он не робкого десятка и с виду не слабенький. Ручищи огромные – такими захватит, задушит».

Она своими мыслями находилась уже в лодке на рыбалке и очень хотела, чтобы это время быстрее наступило, несмотря на все доводы, которые она до этого приводила. В ней мысленно боролись два человека: один хотел быстрее свидания, а второй находил веские причины, чтобы этого не произошло или произошло, но после всех формальностей и выяснения подробностей личной жизни этого человека.

Туча-таки напозла, закрыв, как покрывалом, всё небо. Дождь ещё не капал, но Северина знала, что он долго собирается, но потом ливанёт и будет лить, как из прохудившегося корыта.

«Надо же», – опять подумала она, – «Дождь каждый раз собирается к приезду Ивана. Что же это я, уже и погоду привязываю к его появлению?» – укорила себя она.

Рыбалка сегодня так и не состоялась. Дождь лил, не переставая, целый день.

– Что-то ты сегодня невесёлая? – спросил дед.

– Хотела ехать на рыбалку, а дождь не перестаёт.

– Не вдвоём ли опять собрались рыбачить?

– Разве вдвоём нельзя рыбачить? – вопросом на вопрос ответила Северина.

– Рыбачьте, вдвоём сподручнее. Только приехал ли Иван?

– Приехал, я его утром видела, он шёл вокруг озера к себе. Давай, дед, завтра забросим невод. Я позову Ивана, вместе как-нибудь вытянем. Давно, кроме щук, ничего не ловили.

– Я не против, но позволит ли погода? А Ивана зови, увезёт рыбы с собой, молодой и здоровый, пусть тянет невод. Мы с ним будем тянуть, а ты будешь загонять в невод рыбу.

– Как это загонять?

– А как придумаешь, так и загоняй.

Спать легли под мерный шорох дождя. Северина долго не спала, думая о том, как там Иван под дождём готовит пищу и спит в своём несуразном шалаше. Откуда-то взялся Дерикуйко, который в плаще и болотных сапогах копал землю вокруг шалаша. Иван в одной рубашке оказался под дождём. Он что-то кричал, пытался показывать руками, но дождь заглушал все звуки. Со стороны видно только, как он открывал и закрывал рот, но никаких звуков совсем не слышно. Потом Дерикуйко, взяв лопату, бил плашмя по воде озера, а в лодке около берега находилась Северина и никак не могла причалить. Ветер относил лодку всё дальше и дальше. Она напрягалась изо всех сил, но вёсла хрустнули и сломались. Берег исчез из виду. Откуда-то взялись два лебедя, которые кружили вокруг лодки, но помочь ничем не могли.

Северина открыла глаза. Спала она или не спала? Через мгновение поняла, что она дома. Значит, это приснился сон. За окном всё так же шумел дождь. Девушка, вздохнув, повернулась на другой бок и заснула уже без сновидений.

Проснулась она точно в назначенное время. Серел рассвет. Дождя будто и не было. Северина посмотрела в окно, за стеклом сыро и промозгло. Она решила сегодня на озеро утром не идти, ждала рассвет дома, хлопотала по хозяйству, кормила животных и птиц. Когда она согрела самовар, вышел из своей комнаты дед.

– Боюсь, что твой напарник сегодня не сможет работать. Хорошо, если за ночь не простудился. Сиди дома, а я сейчас съезжу на другой берег, его привезу, будем сушить.

– Я тоже думаю, что он весь промок, столько воды с неба вылилось.

– Мы чаю попьём, когда приедем.

Николай Николаевич взял запасной плащ, полушубок и ушёл. Жукова он привёз сухого и здорового.

– Зря вы беспокоились, я не промок, – сказал он, входя в дом, – Одна беда – ночью холодно и пришлось целый день не вылезать из шалаша, остался без рыбы, а, значит, и без обеда.

– Садись к столу, будем завтракать, – сказал Николай Николаевич, – У нас к тебе есть предложение: требуется твоя физическая сила, чтобы пару раз закинуть невод. Как ты на это смотришь?

– Я только «за». За сутки силы накопилось невпроворот, – он посмотрел на Северину, – Ты и сегодня купаться ходила?

– Нет, сегодня как раз я не ходила. Что-то неуютно с утра на природе. Если ты согласен рыбачить, хорошенько подкрепишься и будем готовиться. Увезём на тележке невод к лодке.

– Я и один увезу.

– Нет, одному не надо, он тяжёлый, увезём вдвоём. Пока ешь и не торопись, отогревайся.

Ловить рыбу неводом Северина умела с детства, премудрости большой в этом нет, но работа очень тяжёлая и требовала применения больших физических усилий. Она могла только присутствовать, когда невод тянули взрослые мужики. Оставшись вдвоём с дедом, они невод

не трогали, знали, что вдвоём им не справиться. Северина хоть и выросла, но она женщина, которой не по силам грубая физическая работа.

Невод уложили в лодку. За вёсла сел Иван, а Северина командовала и выбрасывала невод. Николай Николаевич остался на берегу с клечом, длинной верёвкой, за которую невод вытягивался на берег.

«Кошелёк» по периметру метров двести пятьдесят. Они, не спеша, стараясь не греметь и не шуметь вёслами, выкинули невод огромной дугой и направились с другим клечом к берегу. Иван с Завьяловым стали медленно тянуть снасть к берегу, а Северина подтянула лодку и приготовила тару под рыбу, а заодно и импровизированный стол для чистки.

Постепенно оба конца невода оказались подтянуты к берегу. Теперь снасть вытянулась не дугой, а полуovalом, заметно сузившись и вытянувшись в длину. Внутри этого полуovalа стали всё чаще и чаще появляться круги. Рыба искала выход, ходила от стенки к стенке и выплывала на поверхность, но выхода не находила, а свободное пространство постепенно уменьшалось. Когда оставалось в воде всего двадцать метров снасти, поверхность воды закипела. Рыбы внутри оказалось очень много.

Николай Николаевич решил всю снасть на берег не вытаскивать. Хоть после дождя и прохладно, но большое количество рыбы сразу им обработать не под силу. Поэтому они оставили её в воде, чтобы она плавала живая, а сами принялись брать из воды её прямо руками и сразу нести на разделочный стол: потрошить, сортировать и часть засаливать. Увлёкшись работой, они внезапно увидели, как из воды вылетела, как торпеда, щука и, перемахнув по воздуху через невод, плюхнулась обратно в воду, оказавшись, таким образом, на свободе.

– Пусть живёт, – сказал Николай Николаевич, – ей на этот раз крупно повезло, – Сколько ловлю, а такое видел впервые. Обычно рыба ищет дырку внутри или старается поднырнуть под невод.

До обеда они занимались работой по обработке рыбы. В общей сложности улов оказался на двести килограмм, тушки разных сортов и размеров: огромные язи и щуки, мелкие ерши и плотва, сиги и форель, налим и лещи, множество разнокалиберных окуней.

Пообедав, рыбаки повторили процедуру. К вечеру они уставшие, но довольные проводили Ивана на автобус, снабдив его значительной частью улова, ровно столько, сколько он согласился увезти.

– Завтра и мы поjalуем в город, – сказал Завьялов, – продадим часть рыбы и пополним немного свой бюджет.

– Я буду на работе, но, может, и встречу, – ответил Иван.

– Встречать не надо. Лишь бы довёз автобус, а там наймём возницу, до рынка довезёт.

– А как же вы здесь до остановки доберётесь?

– Дело привычное, возьмём тележку, а там оставим её в лесу. Если кто и найдёт её случайно, с собой не понесёт. Завтра Северина будет очаровывать своими рыжими волосами покупателей, на них это действует магически, покупают, даже не торгуясь, – пошутил Николай Николаевич.

– Да, у такого продавца и я бы купил.

– А ты приходи и покупай и товарищей прихвати.

– На работе обязательно скажу, что на базаре очень симпатичная девушка продаёт свежую рыбу.

– Вот и хорошо, – заключил Завьялов.

Уже свечерело, когда Жуков, нагрузившись поклажей, пошёл на остановку автобуса.

* * *

Колхозный рынок гудел и шумел на все голоса. Установку партии и правительства и лично Никиты Сергеевича народ выполнял очень усердно. Прилавки завалены первосортной свининой. Мясо отливало блекло-красным цветом, так и просилось на сковородку, Отдельно лежали кучки костей в наборе для супа. Копчёный окорок, копчёное и солёное сало, жареные пашлыки – все это просилось, чтоб его непременно отведали и купили. Свиные туши висели тут же. Здоровые мясники с волосатыми руками орудовали острейшими огромными топорами.

Дальше виднелись прилавки с различной зеленью, овощами, фруктами, ягодами. Продавалось всё, а чего не имелось на прилавках, можно всегда найти через юрких и шустрых базарных мальчишек, которые знали всё, что происходит в этом заведении и знали, что и где можно купить.

– Каму-у семечек!

– Падхады, дарагой, свежее грузинское вино двадцатилэтней выдержки.

– Лук, редиска, морковь!

– Пробуй, ты таких даже никогда не видел, – толстая дама совала арбузный ломоть, усаженный добрым десятком жирных мух, щуплому мужичонке, который явно не хотел арбуза, а хотел чего-то другого, чего не имелось у этой дамы.

– Бэри здесь, у мэня крупные и сочные, – торговец помидорами не хотел отпускать покупателя к соседу.

– Гарны семечки, берите семечки.

– С чем у вас пирожки?

– Отборное говяжье мясо, не моргнув глазом, – отвечала торговка. Она знала, что в этом мясе говядина не присутствовала. На фарш перемолото мясо ондатр после снятия шкур, – Берите больше, пирожки свежие!

– Мне пучок луку.

– Зачём пучок, бэри два, сэбе и жене, а ещё дэтям возьми рэдиски, – уговаривал покупателя торговец в кепке.

Базарная жизнь для постоянных обитателей представлялась обычными буднями, даже слова, которые произносили торговцы, лишены обычной окраски; они произносились по инерции, не задумываясь, профессиональным голосом, привыкшим выкрикивать одни и те же фразы.

Шустрый пацан схватил с прилавка яблоко и нырнул в толпу.

– Держите во-о-ра!

Раздался милицейский свисток. Толпа колыхнулась. Поворачивались головы.

– А? Что? Где? Кого убили? – переспрашивали друг у друга покупатели.

Кто-то наступил на ногу собачонке. Она схватила зубами первую попавшуюся ногу за сапог.

– Уберите собаку! Чья собака? – орал подвыпивший мужик, пытаясь отодрать жучку от сапога, – «Она съела мою ногу. О-о-о-...»

Мужик на телеге ехал сквозь ряды.

– Поберегись!

Толпа расступалась и за телегой снова смыкалась в единое целое.

В это время и прибыли Завьялов с дочерью на рынок. Они отвоевали себе место в дальнем конце, не самое бойкое и престижное, но радовались и этому. Конкурентов, если не считать мужика с несколькими окунями, у них не наблюдалось. Всё получилось очень хорошо: не успели они выложить образцы на прилавок, как тут же образовалась небольшая очередь.

– Почём рыба? – шустрая женщина резво пыталась узнать цену.

– Маленькие по три, большие по пять, – пошутил Завьялов.

– Где это видано, чтобы рыба была дороже водки? – возмутилась сразу женщина, таких и цен не бывает. Селёдку продают по сорок копеек. Ты, мужик, не из буржуев? Ишь, харюто отъел!

– Это не селёдка, – невозмутимо сказал Николай Николаевич, – Это свежая озёрная рыба. Налетай, уступлю дёшево! Плотвички дешевле, сиги и язи дороже. Сами мы не буржуи – пролетарии. А будешь обзывать – продам другим.

– Пролетарий, видишь, ларёк держит, чтобы не упал, а ты никак не пролетарий. Сбавляй цену, иначе запишем в буржуи.

Торговля шла хорошо. Рыба раскупалась. Рекламу делали сами покупатели, разнося весть по базару. Тара постепенно пустела. Северина едва успевала прятать деньги, оставляя на виду только разменную монету на сдачу.

Иван появился, когда рыбы почти не осталось.

– Ну, как у вас дела?

– Наши дела все в кошельке, рыба продана, – ответил Николай Николаевич, – А ты чего не на работе?

– Сбежал. Не мог усидеть, переживаю за вас.

– А чего переживать? Дело сделано, попутно нас записали в буржуи. Говорят, что я по морде буржуй.

– Ха-ха-ха, рассмеялся Иван. Конечно, теперь буржуи, разбогатели.

– У меня от рыбы все руки красные, – сказала Северина, – Соль попала, сейчас бы умыться.

– Пойдём ко мне, квартира в вашем распоряжении: и отдохнёте, и умоетесь.

– Почём окуни? – подошедшая женщина пыталась заглянуть за прилавок.

– Остатки, – ответил Завьялов, – Берите всё – будет дешевле.

– Тогда, давай за полцены.

– Бери! – Николай Николаевич больше не торговался. Дело на сегодня сделано.

– Северина, Николай Николаевич, я приглашаю! – Иван сделал широкий жест рукой.

– Мы чайку попить не против, время обеда просрочили. С нас, между прочим, горит! Не возражай, я покупаю.

Николай Николаевич купил бутылку хорошего вина, А Жуков быстренько приобрёл всё необходимое к чаю и на закуску, и они отправились к Ивану.

Пока Северина плескалась под краном, мужчины накрыли стол. Электрический алюминиевый чайник закипал. Заварив чай, мужчины пошли умываться, а Северина прихорашивалась перед зеркалом, чему раньше времени уделяла совсем мало.

За столом оказалось шумно, не столько от количества людей, сколько от удачной торговли.

– А ты видел, Иван, сколько мяса на прилавках? Кукурузу я тоже заметил. Установка партии воплощается в жизнь. Раньше такого количества мяса на прилавках не лежало. Правда, почти одна свинина, но и это уже хорошо.

– Я на рынок хожу редко, а перемен как-то не замечал. Нам городским это в глаза сильно не бросается.

– А вот мы замечаем. Скоро Союз не только атомной бомбой сможет похвастать, заживём не хуже Америки.

– До Америки нам расти долго. Там загнивающий капитализм, и совсем неплохо загнивают: в стране изобилие. Даже по самой скудной информации, что передаёт «Голос Америки», их уровень жизни на порядок выше.

– Ты слушаешь вражьи станции? За это могут и привлечь.

– Очень редко. Я, думаю, вы меня не продадите. Сейчас уже не сталинские времена, чтобы за прослушивание сажали, а вот распространять услышанное нельзя. За это привлекут точно.

Пока мужчины вели дискуссию, Северина разглядывала квартиру и не узнавала. Она не ожидала увидеть столь значительных перемен. Всё оказалось прибрано и лежало на своих местах. Даже в ванной комнате она обратила внимание, что отсутствовали женские прикрасы и наведён идеальный порядок.

– Северина, ты что всё время разглядываешь? – спросил Николай Николаевич, обратив внимание, что она всё время оглядывает интерьер, – Никогда квартиры городской не видела?

– Такой нет, – уклончиво ответила Северина.

Не могла же она признаться деду, что здесь уже однажды была.

– Сейчас что не жить? – продолжал Николай Николаевич, – Разрушенное хозяйство почти восстановлено, взят твёрдый курс на построение коммунизма, а мне ведь и повоевать пришлось. Был уже не пацан, но в ту кашу, что творилась в начале войны, попали все одинаково. Фашист не разбирал молодой ты или старый, давил железом и своим натиском. Их солдаты воевать умели, привыкли к скорым победам, умело окружали и уничтожали целые армии. А русский солдат с одной винтовкой без патронов сопротивлялся, с голыми руками шёл на танки. Этого фашист понять не мог, зверел и искоренял на своём пути всё живое. Я в первом же бою попал в окружение. Нашу часть сровняли с землёй. И непонятно, как в этой мясорубке без боеприпасов сумели люди выжить, но мы выжили. К вечеру, когда через нас прошли танки и ушли далеко вглубь нашей обороны, из земли стали подниматься люди, окровавленные, израненные, голодные, в изодранной одежде, но не сдавшиеся и не сломленные. Всего нас оказалось около полутора десятков. Идти могли не все. Смастерили из подручных материалов носилки и двоих несли на носилках. Куда идти, никто не знал. Приказа отступить не поступало, командиров не оказалось, где линия фронта, тоже ничего непонятно. Командовал нами уцелевший сержант. Он и повёл на северо-восток.

На всех имелось три винтовки без патронов, два ножа. Мы шли к лесу, держась дальше от дорог и строений. Стремилась, прежде всего, отдохнуть и хотя бы пару часов поспать, но поспать не дали. У самого леса нас накрыли вражеские миномёты, от которых не было никакого спасения. Людей разметало, а потом шарахнуло так, что я потерял сознание. Очнулся от того, что кто-то тычет в меня стволом автомата.

– Ауфштеен, – услышал я немецкую речь.

Я понял, что он велит мне встать, показывая это стволом автомата. Я встал, шатаюсь и почти ничего не слыша. Голова гудела, как медный колокол. Во рту образовалась какая-то сухость. Меня подвели к другим таким же оборванным и грязным красноармейцам, но тех, с которыми я шёл, среди них не увидел никого.

– Война капут, арбайтен, – сказал немец на смеси русского и немецкого языков.

Нас повели от леса, к которому мы так стремились.

Со мной рядом шёл высокий, когда-то белокурый боец. Сейчас он оказался наполовину седой.

– Надо бежать! – шепнул он мне.

– Как побежишь? Не отбежишь и два шага, тут же пристрелят.

– Надо выбрать момент. Я не хочу идти в плен. Лучше смерть от пули, чем идти, как баран в стаде, ожидая свою участь. Меня зовут Михаил, – сказал он.

– Коля.

– Ты как, со мной или нет? – спросил он.

– Согласен, только давай всё обдумаем.

– Я тут уже поговорил кое с кем, они тоже согласны. Нас сопровождает всего пять конвоиров. Получается нас по десять человек на одного конвоира. Не может быть, чтобы мы их не одолели.

– Шнель, шнель, руссиш швайн, – подгоняли нас окриками конвоиры.

Толстый здоровый немец, выше на голову остальных, как будто что-то чувствуя, всё время поглядывал на нас.

– Этот боров и будет наш, – шепнул мне Михаил, – Остальных тоже распределили.

Впереди красноармеец упал. То ли так было задумано, то ли упал он случайно, но это оказалось сигналом. Пока немцы обратили всё своё внимание на возню возле упавшего, вдруг вся наша нестройная колонна рассыпалась. Со всей яростью узники обрушили остатки своих сил на врагов. Здоровый немец сориентировался раньше всех и полоснул очередью из автомата, которой перерезал Михаила пополам, но часть бойцов вместе со мной повалили его и растерзали. У меня в руках оказался автомат, и пока я пытался отдышаться, бойцы побежали враспынную к лесу. Никто ими не руководил и не командовал. Я тоже побежал.

В лесу оказался один, не мог никак сообразить, куда подевались остальные бойцы. Звать и кричать побоялся. Пошёл, куда глаза глядят, лишь бы подальше от своего плена. Я опять был свободен, но что делать дальше не знал. Только сейчас снова ощутил невероятный голод. Не знаю, были ли у конвоиров сухие пайки, но у меня кроме автомата ничего не было. Возможно, кто-то и отоварился, но где теперь их найдёшь? Я решил идти, пока не покинут силы.

Наступала ночь. Идти становилось всё труднее и труднее, и вскоре я совсем остановился, наломал веток и устроил ложе. Уснул я сразу, как будто куда-то провалился. Хоть и сознавал, что рядом опасность, но ничего поделаться с собой не мог.

Проснулся от холода. Серел рассвет. Мышцы все ломило, но прежней невероятной усталости не ощущалось. Голова по-прежнему гудела.

Оказался я рядом с грунтовой дорогой. Вечером в темноте я этой дороги не видел, а из-за отсутствия транспорта её в темноте не видно и не слышно. Сейчас же на дороге тарахтели мотоциклы.

Я осторожно подполз и выглянул. Крадучись, на небольшой скорости, двигалась колонна мотоциклистов. Один из мотоциклов остановился напротив меня. Мотоциклист, что-то сказав остальным водителям, махнул рукой, и те двинулись дальше. Один немец, оставив всё лишнее, в том числе и оружие, в мотоцикле, пошёл в кусты, другой, озираясь по сторонам, занялся какими-то делами с мотоциклом.

Решение созрело сразу: слишком много они мне насолили за последние сутки, да ещё убитый Михаил всё ещё стоял перед глазами. Я решил немного выждать, чтобы колонна отъехала дальше, и уничтожить хотя бы этих двоих. В кустах немец устроился по большой нужде и там замер. Когда, по моему мнению, времени прошло достаточно, я полоснул из автомата по тому немцу, что сидел на мотоцикле. Он, как куль, свернулся на бок и упал на дорогу. Я, выставив автомат, пошёл в кусты. Немец сидел, не шелохнувшись. Нестерпимый запах говорил о том, что он довольно сильно испугался. Я велел ему встать и двигаться к мотоциклу. Убивать его безоружного, растерянного и испуганного у меня желание пропало. Надеть штаны я ему не разрешил, показал автоматом, чтобы он сел на сиденье. Привязал ему руки к рулю, чтобы он по дороге не оделся, собрал оружие, пайки и документы, загрузил труп в коляску и завёл ему мотоцикл.

– Нах хауз, – махнул я ему в сторону, куда проследовали остальные. Велел я ему следовать домой, хотя дом его был в противоположной стороне, но других немецких слов, чтобы послать его, куда надо, я не знал

Немец, косясь на мой автомат, тронулся вперёд.

Теперь у меня имелся ещё пулемёт, который я вытащил из коляски, комплект патронов, две гранаты, паёк и, самое главное, карта, которую я обнаружил у убитого немца.

Я знал, что радоваться мне оставалось считанные минуты. Вряд ли мне простят мой поступок, но я предпочёл умереть в бою, поэтому скорым шагом отправился навстречу предполагаемому противнику, чтобы застать врасплох до приезда их к месту расправы. Времени для того, чтобы хоть что-нибудь поесть, у меня не оставалось. «Осмотрю трофеи позднее», – так я решил.

Я успел пройти довольно приличное расстояние, нашёл подходящее укрытие из поваленных деревьев и стал ждать, выложив весь свой боезапас. Самое подходящее время рассмотреть карту. Все надписи на карте на немецком языке, но некоторые населённые пункты читались однозначно. Постепенно я определил своё примерное место. До населённого пункта прямо порядка десяти километров. Лес, судя по карте, небольшой. Его пересекали почти крест-накрест две дороги. Мне надо, если повезёт, пробираться к реке, которая находилась также в десяти километрах. Скорее всего, где-нибудь там проходила линия фронта, в чём я сильно сомневался, так как гула канонады пока не слышно.

Услышав гул со стороны деревни, я сказал сам себе: «Боец Завьялов не ошибся». По дороге ехали мотоциклисты, выставив автоматы и пулемёты в колясках в сторону леса. В колясках я увидел две собаки, что сильно испортило мне настроение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.